

www.Litmeridian.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Основан 15 января 2008 года

Культурно-просветительское художественное издание

№ 7 (45)/2011
ИЮЛЬ

Максим ЗАРЕЗИН

с. 4

Фото Натальи ПАНЬКИНОЙ, г. Арсеньев

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»
Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.
Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.
Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.
Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.
Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 3,5 печатных листа.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 17 июня в 17-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Июнь 2011 года

№ 7 (45)

- с. 2. **Проза.** Геннадий БОГДАНОВ
- с. 4. **Драматургия.** Максим ЗАРЕЗИН
- с. 8. **Событие.** Василий САМОТОХИН
- с. 12. **Поэзия.** Юрий БЕЛИНСКИЙ
- с. 13. **Поэзия.** Марина ВОРОНОВА
- с. 14. **Поэзия.** Александр ПЛЕТНЁВ
- с. 15. **Поэзия.** Юрий КАБАНКОВ
- с. 16. **Поэзия.** Вера ГУНДАРЕВА
- с. 17. **Поэзия.** Дмитрий СОСНОВ
- с. 18. **Проза.** Вячеслав СЕРИКОВ
- с. 20. **Проза.** Светлана МАЛИКОВА
- с. 23. **Проза.** Николай БЕРЕЗОВСКИЙ
- с. 24. **Проза.** Жанна РАЙГОРОДСКАЯ
- с. 27. **Письмо в редакцию.**

ДВЕ ДОРОЖНЫЕ ИСТОРИИ

Геннадий БОГДАНОВ

История первая

НА ОБОЧИНЕ

Летом 1973 года стояла жаркая сенокосная пора. Я мотался на вверенном мне стареньком «Москвиче-408» из Хабаровска в Лазовский район и обратно по несколько раз в день. Наш НИИ «Техмаш» был далёк от аграрных вопросов, но в начале семидесятых почти все городские организации занимались сельским хозяйством, особенно заготовкой кормов для общественного скота. Как только отходила сенокосная пора, созревали овощи на полях – дружные бригады городских служащих выезжали на уборочную страду.

Досадная поломка заставила меня съехать с трассы на просёлочную дорогу, ведущую в глубь деревни Дормидонтовка. Я остановился на обочине, заглушил двигатель и несколько минут наслаждался дуновением тёплого южного ветерка и стрекотанием кузнечиков в траве. Справа от дороги сверкала на солнце гладь голубого озера. Несколько ребятшек удили рыбу с незатейливых мостков, на которых и сегодня можно встретить женщин, полоскающих бельё. Хотелось всё бросить, раздеться и с разбега нырнуть в прохладную глубину озера. Но расслабляться было нельзя. Я открыл багажник, достал домкрат, шансовый инструмент и приступил к работе. Первым делом поднял правую сторону «Москвича» и снял переднее колесо, чтоб осмотреть детали подвески и найти причину неисправности.

За моей спиной слышались звонкие ребячьи голоса. От озера по тропинке поднимались юные рыболовы – трое мальчиков и одна девочка в застиранном ситцевом сарафане. Выйдя на дорогу, ребята направились ко мне. Ещё не дойдя до машины несколько шагов, почти хором прокричали: «Здравствуйте!»

– Здравствуй, племя молодое, незнакомое! – ответил я.

– Так давайте познакомимся, – сказал старший по виду мальчик лет четырнадцати, – меня Костей зо-

вут, а это мой брат Колька. Вахрушевы мы, а это вот Катька, сестра Денькина, – Костя покрутил головой, не находя Дениса, который присел с другой стороны машины, сосредоточенно глядя на заднее колесо.

– Денька, ты где?

– Да здесь я, чего орёшь. Дяденька, а у вас заднее колесо воздух травит. Пробили, наверное, или гвоздь поймали.

– Ну так беда одна не приходит. – Я обтёр ладони тряпкой, по очереди пожал руки ребятам и назвал своё имя. Костя заглянул под колесо «Москвича» и присвистнул:

– Да здесь без сварки не обойтись. Стойку стабилизатора оборвало, и нижний рычаг треснул, как раз возле шаровой опоры.

– Ну ты даёшь, механик, откуда такие глубокие знания?

– У меня же батя в МТС работает. Надо бы ему позвонить, он мигом всё сделает.

– Да и мне, Костя, позвонить бы надо начальству. Поломка серьёзная, дел много, а меня люди в Отрядном ждут.

– Так это ж зараз можно от Петренко дяди Толи позвонить. Он у нас дорожный мастер. Вон его дом, недалеко, почти у самого перекрёстка. Пойдёмте до дяди Толи!

Костя потянул меня за рукав, потом строго посмотрел на Деньку.

– Ты, Денька, здесь за старшего остаёшься. Машины охраняйте, да не облакачивайтесь на неё, на домкрате стоит поди – не на колёсах.

Дорожный мастер Анатолий Васильевич оказался очень душевным человеком. Я дозвонился до начальства, объяснил, что задерживаюсь из-за поломки, а Костя позвонил в МТС своему отцу. Не успели мы вернуться к «Москвичу», как к нам с грохотом подкатил выдавший виды «ЗИЛ-157» с кунгом, в котором было всё необходимое для ремонта. Отец Кости, загорелый здоровяк и балагур, с шутками и прибаутками заварил рычаг, поставил новую стойку стабилизатора и даже залатал пробитую шину, не взяв с меня ни копейки денег. Не слышал я от него и намёков на «жидкую валюту» – поллитровку водки.

В знак благодарности я с ветерком прокатил ребяташек по деревне и, сердечно попрощавшись, направился в Отрадное, наматывая на колёса «Москвича» очередную сотню километров.

История вторая

«НЕ ПОДМАЖЕШЬ — НЕ ПОЕДЕШЬ»

XXI век. Ноябрь 2004 года. Обильный снегопад засыпает городские улицы. Хабаровчане хорошо знают крутые сопки своего города. «Три горы, две дыры» – так называет народ холмистую местность в центре. Нелегко в непогоду взбираться на подъём, особенно на заднеприводных автомобилях.

Я на своей древней «Тойоте», естественно, заднеприводной, ибо японцы ещё не выпускали переднеприводных в год выпуска моей машины, бодренько поднимался по улице Калинина к Муравьёва-Амурского. Еду «внатяг» и молю Бога, чтобы попасть к перекрёстку на зелёный свет. Остановка на подъёме в таких сложных метеоусловиях смерти подобна.

Как всегда, срабатывает непреложный закон авто-

мобилиста – перед самым перекрёстком загорается красный. Останавливаюсь. Терпеливо жду. Наконец вспыхивает зелёный свет. Несколько раз пытаюсь тронуться с места. Бесполезно. За мной стоит ярко-красный джип. Женщина за рулём отчаянно давит на клаксон, накаляя и без того нервную обстановку.

Возле пешеходного перехода, перед которым я остановился, невозмутимо играет в снежки группа подростков, человек пять. Открываю окно и с надеждой смотрю на ребят. Тотчас ко мне подходит юноша в добротном пуховике «Тэнсон»:

– Помочь, батя?

– Ради Бога! Сами видите, жгу без толку резину. Толкните чуток на зелёный, сама пойдёт.

– Стольник гони, батяня, и всё тип-топ!

Я задыхаюсь от наглости подростка и теряю дар речи. Инстинктивно включаю вторую передачу и вжимаю в пол педаль газа. О, чудо! Машина медленно сдвигается с места, с трудом преодолевает подъём и выезжает на перекрёсток буквально за счёт предельных оборотов двигателя. Благодарю Бога и трудолюбивых японцев, которые умеют делать такие надёжные автомобили.

А ведь в тот день у меня не было ста рублей в кармане. И здесь я понял, что ребята не просто так крутились возле перекрёстка – они зарабатывали деньги на чужом несчастье.

В какое время мы живём?

Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, с. Чугуевка

ВОЗЬМИ СВОЙ ПОСОХ И ИДИ

Максим ЗАРЕЗИН,
г. Москва

Отрывок из пьесы

Максим Игоревич родился в 1964 году в Москве.

По окончании факультета журналистики МГУ им. Ломоносова работал в журнале "Пожарное дело" МВД СССР, объездил всю страну, в том числе горячие точки тех лет: Приднестровье, Карабах, доводилось побывать в разрушенном землетрясением Спитаке, чернобыльской зоне.

Работал в "Российской газете", "Известиях", в пресс-службе Центрального банка РФ, ряда крупных компаний. Лауреат премии журнала "Журналист" (1986 г.) и премии «Экономическое возрождение России» Союза журналистов России и Торгово-промышленной палаты РФ (1996 г.) Последние годы занимался исследованиями в области истории России XV - XVII веков. Автор книг "Последние Рюриковичи" - 2004, "В пучине Русской Смуты, или Невыученные уроки истории" - 2007, "Еретики и заговорщики" - 2010. (Все – издательства "Вече", Москва).

В настоящее время готовит к публикации сборник рассказов.

Действующие лица.

Максимилиан Волошин – 36 лет (в 1913 г.)

Марина Цветаева – 21 год (46 лет в 1939-м)

Анастасия Цветаева, сестра Марины – 19 лет (в 1913 г.)

Сергей Эфрон, муж Марины – 20 лет (45 лет в 1939-м)

Жизнь – бесконечное познание.

Возьми свой посох и иди.

И я пойду – и впереди

Пустыни, ночь и звезд мерцанье...

Максимилиан Волошин

Действие первое

Коктебель. Мастерская Волошина. Три огромных готических окна, обращенные к морю. Слева – лестница на галерею. Справа – печь, покрытая изразцами. Взгляд Волошина обращен в окна на снежные струи, которые несет ветер с моря. Сумерки. Звучит орган.

Волошин. ...Я молился за вас, и моя молитва была благословением, и мне казалось, что душа моя поднимается по нити, как маленький золотисто-прозрачный паучок, под гулкие своды собора ... Вот уже земля далеко внизу – только уступы, арки и пилястры, тонкие дуги, кружевные стрелки, которые, как музыка, плавным и властным порывом уносятся в темное звездное небо. Осыпанные звездной пылью, неподвижно расширяясь, они поднимаются без движения, точно у этих каменных глыб выросли крылья. И вот ближе и ближе стекла мозаик, на которых распластаны все искания человечества. В те мгновения моя душа сгорела и воскресла. И я чувствую, что тайна, которая тогда свершилась...

Простирает руки к окнам. Вбегает Ася Цветаева. Орган обрывается.

Ася. Макс, ты зывал к духам? Скорее все сюда – Макс зывает к духам!

В. (растерянно оглядывается) Ася, ты?!

Входит Марина Цветаева.

Марина. Максенька, милый!..

В. Марина! Ася! Господи, как я рад... Это невероятно! Это чудо!

М. Однако! О чуде ты был извещен заблаговременно – письмом от 27-го числа.

А. Знаете, что делал Макс, когда я вошла: зывал к духам!

М. Только благодаря этому мы и добрались. Макс умиловил духов ветра, снега и стужи, он вызвал тени пращуров нашего Адама и попросил их вселить мужество в сердце своего потомка...

В. (освоившись, лукаво) Осмелюсь напомнить, Мариночка, – у Адама не было предков.

М. У нашего Адама их в избытке. И не делай вид, что не знаешь, о ком идет речь. Сей замечательный возница катал тебя в своем шарабане еще в пору твоей гимназической безбородости. В такой норд-ост, кроме Адама, никто не решился отправиться в путь.

В. Чудно, чудно... Располагайтесь, друзья. Господи, как я рад вас видеть! Про письмо я, разумеется, помнил, но утром решил, что непогода вынудит вас отказаться от поездки. Как малыши? Сергей остался в Феодосии?

М. (снимая шубу) Ариадна ходит все увереннее. Беда с нянями: московская отбыла восвояси, в белокаменную, из-за наклонности к эпилепсии, местную пришлось расчитать из-за постоянного отсутствия... Впрочем, я жалуюсь на это постоянно.

Входит Сергей Эфрон, вносит огромную корзину со снедью.

Сергей. Здравствуй, Макс. Я угостил Адама твоим любимым рислингом. Он вполне удовлетворенный и даже согревшийся отправился в обратный путь. Не беспокойся, рислинга осталось в избытке.

М. Рислингом не согреешься. Надо было предложить ему спирту.

В. Которого у меня нет.

М. (Сергею) Ты напомнил Адаму, чтобы он заехал за нами завтра?

С. Не беспокойся.

М. Надеюсь, завтра метель стихнет.

В. (Сергею) Рад, что ты выздоровел настолько, что принял участие в этой эскападе.

С. А у тебя даже двери не заперты.

В. В Коктебеле обычно грабят Вересаева – у него дом на отшибе. К тому же в такую круговерть добраться сюда способны только друзья. Лучше поведайте, как прошел вчерашний вечер.

М. Ага, ты действительно не забыл про письмо!.. Вечер... Все было очень мило. Мы так и не поняли – прав-

да, Ася? – что это было, – вечер в пользу погибающих на водах... Звучит так, будто кто-то сейчас тонет, а мы в это время читаем несчастным стихи. Вот и вся польза. Но главное – наша общественная деятельность не прошла бесследно: мы очаровали гимназического француза. Мсье Бленар подрядился с января готовить Сережу к экзамену.

А. Мы еще окончательно не договорились.

М. Ему не отвертеться. Жаль только, что Бленар живет далеко за городом. Кстати, Макс, милый, не забудь, пожалуйста, что мы званы третьего в гимназию на студенческий вечер.

А. Забавно: Сергей закончит ту же гимназию, что и Макс.

В. Избрав своим местожительством Феодосию, вы вступили в заколдованный круг – и дети ваши закончат эту гимназию, и дети детей ваших...

А. И всех их будет возить Адам в Коктебель к Волошину. И будут они пить рислинг из виноградников ханаанских.

С. И пребудет так до скончания веков.

В. А. и С. (хором) Амины!

М. Дамы и господа, прошу прощения, что отвлекаю от вечного – не пора ли ревизовать содержимое корзинки?

В. Минуту, вы раскладываетесь, а я принесу сверху посуду и приборы.

А. Я помогу.

(С. и М. поднимаются по лестнице на галерею).

М. Сережа, ты не замерз? Как ты себя чувствуешь, родной? Я теперь клянусь, что увлекла тебя в эту поездку, в эту несусветную метель.

С. (распаковывая провизию) Марина, я чувствую себя прекрасно.

М. Всю дорогу кляла себя за извечный свой эгоизм. Но мне так хотелось, чтобы мы собрались в этот Новый год в Коктебеле.

С. (продолжая разворачивать свертки со снедью, после паузы) Не знаю, кого ты кляла и проклинала. Мы всю дорогу хохотали, как сумасшедшие.

(С галереи спускаются Волошин и Ася с посудой и приборами).

М. Макс, милый, почему у тебя чашки без ручек, ножи без черенков? Это же инвалидная команда, а не столовые приборы.

В. (извиняющимся тоном) Матушка, уезжая в Москву, оставила мне это непотребство. Боялась, чтобы собаки не растащили. А кому растаскивать – собаки вилами не едят. Во всяком случае, коктебельские.

М. Собаки?.. Действительно, ты же говорил, что у тебя тут настоящая псарня.

А. И где же все звери?

В. На даче Юнге. Вы же знаете мой аппетит – от меня и объедков не остается. Пожили, потужили со мною псы с недельку и, убоясь голодной смерти, откочевали к Юнге. Просыпаюсь – ни одной собачьей души.

С. (откупоривая бутылку) Макс, если ты закоснеешь в чревоугодии, мы тоже переберемся к Юнге. Проснешься утром – и ни души.

А. (помогая расставлять посуду) Не пугайте его! Не обижайте Макса!

М. Никто его не собирается обижать. Максенька, лучше расскажи, каких духов ты призывал перед нашим приходом.

В. Всего лишь воспоминания – самых безобидных духов. Вновь заставлял себя взяться за многострадальную книгу о готике, вспомнил Руан, пустой собор, в котором провел целую ночь. Это и вечность, и мгновение, а

не ночь. А закат, а утро – свет в витражах, который переиначивает все окружающее по-своему. Так что скорее не я вызывал духов, а они меня! Я лишь откликнулся на их зов.

М. Прошлым летом Макс показывал на Карадаге скалу, которая поразительно напоминает Руанский собор.

А. Но что же книга о готике?

В. Боюсь, никогда ее не допишу. Будто не пером водишь по бумаге, а силишься стронуть с места готическую громаду – а та выросла фундаментом в земляную толщу, шпилем зацепилась за небо – и ни с места. Так что одна из задумок на этот год не осуществилась.

А. Давайте вспомним, что случилось в уходящем году.

С. Тринадцать – число несчастливое... Но у нас родилась Аля.

М. Разный год. Родилась Ариадна, у Аси – Андрей. Похоронили папу.

А. У тебя вышла третья книга стихов.

В. А я никого не родил. Правда, никого и не хоронил. Почти ничего не издал. Книга о Репине – лучше бы и не издавал.

А. (озорно оглядывая присутствующих) Кстати, Макс, сколько ты заплатил этому... Кудряшову, кажется, чтобы он исполосовал «Грозного, убивающего своего сына»?

М. Макс прочитал несчастному индивидуальную лекцию об агрессии в живописи. Тот настолько проникся волошинским пафосом, что направился в музей и – кинжалом по полотну.

С. Все при деле – Грозный губит сына, Кудряшов – картину, господин Волошин – репутацию господина Репина.

В. Жестокие молодые люди. Только ваша молодость извиняет вашу жестокость. Мне тогда было совсем не до смеха. Хотя сейчас, пожалуй, все случившееся предстает нелепицей, трагифарсом (начинает все более горячиться, постепенно привстает с места, ораторствует) Когда сумасшедший – к сведению, фамилия его Балашов – изуродовал работу господина Репина, я написал статью о смысле катастрофы, постигшей картину, о тех саморазрушительных силах, которые в ней таятся, о том, почему, по моему мнению, Балашов не палач, а жертва. И тут достопочтенный Илья Ефимович заявляет, что коварные адепты нового искусства просто-напросто подкупили Балашова. Может, сгоряча вырвалось? Случается в запале... Но достопочтенный мэтр повторяет эту клевету многократно. И что же происходит дальше?! Газеты начинают травлю, редакции закрывают передо мной двери, книго-торговцы объявляют бойкот моим книгам...

А. Макс, милый, успокойся, мы все знаем...

С. Рислингу, ему рислингу! (наполняет бокал)

В. (широко улыбаясь) О дайте скорее бездонную чашу – и в ней я страданья свои утоплю.

А. Пьем за страданья и страдальцев!

М. За жертв и палачей!

С. За их вечный союз!

В. За вечное искусство!

А. За жизнь. Детей, близких, друзей.

М. За любимых.

С. За любящих.

В. За искупление старых грехов и новые искушения.

М. За мимолетное и неуловимое.

С. За неизбежное и неумолимое.

А. За разум!

В. За безумие и безумцев.

М. За тринадцатый год.

С. За четырнадцатый.

В. За все последующие года!
А. За государя императора!
С. За Государственную Думу, Земский собор, палату лордов и кортесы!
М. За Тверскую, Козиху, Патриаршьи пруды.
В. За Париж, Крым и все, что между ними.
А. За Веру, Надежду, Любовь и мать их Феодосию.
С. И за отца нашего – Триждывеличайшего Макса Киммерийского.

(Все) Ур-р-а-а!

А. Теперь погадаем, что несет нам год одна тысяча девятьсот четырнадцатый от Рождества Христова.

С. Как в прошлый раз? По Библии?

В. Уже несучь.

М. Только договоримся не сразу обременять Всевышнего тяжкими вопросами бытия. Давайте для начала узнаем, например, благополучно ли вернулся наш замечательный Адам.

(Волошин возвращается с потрепанной Библией и отдает Сергею)

А. А сколько там всего страниц?

С. Тысяча триста с хвостиком. Ася, ты загадываешь?

А. Страница 443-я, третий стих сверху слева.

С. Извольте: «Из колена Завулонова готовых к сражению, вооруженных всякими военными оружиями, пятьдесят тысяч в строю, единомудушных»... И что сие означает?

В. А по-моему, звучит оптимистично. Давайте представим: Адам подъезжает к Феодосии и видит блестящие от тающего снега крыши домов, блестящие, словно щиты, и прочая амуниция многотысячного воинства.

С. Макс, сейчас сумерки. Он не увидит крыш.

В. Хорошо, не крыши – огоньки в домах, фонари на улицах. Все это тоже сверкает и блестит...

М. Париж, а не Феодосия...

В. *(поднимая вверх палец)* ...блестит, хотя и тускло. В городе празднуют, обыватели оживлены сверх обычного. Все единомудушны и готовы к бескровному сражению с запасами съестного. Да – численность населения... Сколь там у Завулона? Пятьдесят тысяч?... Если присовокупить кошек, собак и домашнюю птицу, то примерно совпадает. Мое резюме – Адам благополучно вернулся.

А. Браво, Максинька.

М. А теперь – удачно ли сдаст Серж свои экзамены.

С. До какой низменной прозы вы скатились. Может, сразу перейдем к ценам на феодосийском базаре...

М. Да, нет уж – загадано, не ропщи.

А. 574, второй сверху справа.

С. «Храни меня, как зеницу ока; и теньями крыл Твоих укрой меня»... Вы на псалмы попали.

В. Попали в точку – для экзаменуемого самая насущная мольба.

А. Да услышат небеса твои молитвы.

М. Ты трепещешь, левинка, трепещешь!

С. Рады посмеяться над гимназистом-недоучкой?! Так давайте загадаем: закончит ли многоуважаемый Максимилиан Александрович свой труд о готике... Ася, твой приговор.

А. 245-ть, третий стих снизу слева

М. Продано, продано, продано!

С. Открываю прикуп: «Вот цари той земли, которых поразили сыны Израилевы и которых землю взяли в наследие по ту сторону Иордана к востоку от солнца, от потока Арнона до горы Ермона, и всю равнину к востоку».

М. *(смеется, разводит руками)* Я пас.

А. Два паса.

С. *(вновь заглядывая в Библию)* Видно, этот Иисус Навин был удачливым воякой. Макс! Тут такой длинный список поверженных царей! Боюсь, это значит, что книгу тебе не закончить.

А. Но быть может все наоборот – это Макс победитель?

В. Да нет, Сергей прав. Прощай, готика, прощайте контрфорсы и аркбутаны! Увы, очень похоже на правду. Когда работа легко дается, самому интересно, а значит, будет интересно и другим. Когда же идет с натугой – плохой признак...

(Пауза)

С. Давайте поговорим о более серьезном, что нас ждет впереди?

В. *(внимательно на него смотрит)* А тебе это действительно интересно?

С. А тебе разве нет?

В. Быть может, мне и так все известно... *(берет Библию, открывает наугад)*.

«И явилось на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на голове его семь диадим. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца».

С. Ничего себе, новогоднее предзнаменование... Это недостойный прием, Макс – ты просто знаешь, что Апокалипсис в конце...

М. *(глядя на огонь в печи)* ... Красный дракон.

А. И что же сие означает?

В. Вероятно, вот что *(подходит к книжной полке, берет томик стихов, декламирует)*:

Двадцатый век... еще бездомней,

Еще страшнее жизни мгла

(Еще чернее и огромней

тьень Люциферова крыла),

Пожары дымные заката

(Пророчества о нашем дне),

Кометы грозной и хвостатой

Ужасный призрак в вышине,

Безжалостный конец Мессины

(Стихийных сил не превозмочь),

И неустанный рев машины,

Кующей гибель день и ночь,

Сознание страшное обмана

Всех прежних малых дум и вер,

И первый взлет аэроплана

В пустыню неизвестных сфер...

И отвращение от жизни,

И к ней безумная любовь,

И страсть и ненависть к отчизне...

И черная земная кровь

Сулит нам, раздувая вены,

Все разрушая рубежи,

Неслыханные перемены,

Невиданные мятежи...

С. Макс, разве это твои стихи?

А. *(разочарованно)* Кажется, это Блок.

В. *(торжествуя)* Да, Асенька, Блок. А ты не считаешь его подлинным художником? Мы мыслим с ним порой очень близко, но я не могу так ясно, ярко и емко выразить свои чувства и настроения. Пока не могу.

М. Блок – божество. Сейчас вспомнились его чудные строки о веселых красных людях, которые сидят в ночи у костров и точат топоры.

А. Когда этим летом мы были под Воронежем у брата моего мужа, тот показал местным крестьянам на свой хутор, сказал: «Когда начнется революция, вы первым сожгите вон то гнездо».

В. На самом деле он этого не хочет.

А. Он не позер.

В. А я, Асенька, и не считаю твоего шурина, то есть твоего бывшего шурина позером в том пошлом смысле, что он нарочно лукавит, желая произвести некий эффект на публику. Просто он искренне усвоил определенную роль, свyksя с ней, но в глубине души он вовсе не желает, чтобы его хутор сожгли, и не верит, что такое произойдет на самом деле.

М. Возможно, он на самом деле этого не хочет, но тут уже важно, что он так говорит. Европейцу подобное и в голову не придет. Я верю, что за всю войну для Наполеона самым главным потрясением стало известие о том, что русские подожгли Москву. Он не мог в то мгновение не понять, что столкнулся с совершенно иным миром, что эти люди переступили через черту, для человека Запада непреодолимую. Что этот мир невозможно подчинить – его можно либо уничтожить, либо он сам себя уничтожит. Правда, Наполеон – враг, иноземный завоеватель. Но для интеллигентного хutorянина – веселые красные люди, такие же чуждые завоеватели. И ему не нужен тогда этот хутор, даже если беда обойдет его стороной. Так что же жалеть! Он еще и помогать будет, хворост в огонь подбрасывать.

В. Я последнее время все чаще задумываюсь о блоковских пророчествах. Ведь страшные вещи он пишет. И никто из нас не скажет, что это беспочвенные фантазии, нагнетание страстей. И ни я, ни все мы не ужаснулись, не вскрикнули от боли. Нет, разумеется, для взрослых разумных людей подобное поведение было бы странным и недостойным. Одна мысль меня занимает. Блок предрекает неслыханные перемены, мятежи. Но вот какая-нибудь почтенная домоправительница, какая-нибудь Матрена Дормидонтовна придет на базар, увидит, что лук подорожал, и будет жаловаться товаркам, что наступили последние времена, что мир катится в пропасть, et cetera. Получается, что поэт и эта пошлая мадама говорят об одном и том же – здесь не важно из чего они исходят – вывод-то один. И если вдруг мадама почнет читать Блока, то, пожалуй, и еще похвалит – мол, все верно подметил, наверное, тоже на базар человек ходит. Сказано: нет пророка в своем отечестве. Но это не означает, что пророк изрекает нечто непонятное или чуждое окружающим. Христос не говорил нечто такого, что никогда до него не слышали люди. Но он сказал Правду! Правду! А Правда только одна. А все очень похожие на нее тысячи словес – ложь. Ложь! И мы купаемся в этой лжи, барахтаемся в океане лукавых подделок, дышим этим воздухом газетно-базарной пошлости, и когда появляется Поэт и произносит слово Правды, то мы отмахиваемся от него, как от надоедливой мошки: знаем, слышали, старо... И это не обыватели, не полуграмотная домоправительница, а интеллигенция, люди творчества, властители дум.

(Пауза)

Блок при мне читал эти строки столичным интеллектуалам. Законодатели мод принялись метать громы и молнии, укорять за разложение и богоотступничество. Блок сидел подавленный. Он не умел защищаться. Поэты во-

обще не умеют защищаться. И поэму с тех пор забросил, так и не окончив.

С. Хорошо. Но, если мы признаем истинными грозные пророчества, что именно мы должны делать.

В. Вооружаться. Вооружаться духом и не только, чтобы перенести житейские невзгоды, преодолеть трудности, но, прежде всего, научиться верно распознать и решительно разделить Добро и Зло, Правду и Ложь, не соблазняться, не позволять себя обмануть. Если этому не научатся люди, наделенные знаниями и талантами, то что ожидать от тех, кто всего этого лишены. С нас и спросится. И за свои проступки, и за прогрешения остальных.

А. Но неужели не обойтись без пророков и их подсказок? У каждого человека есть разум, каждый в своем роде избран и имеет право и возможность решать...

В. Избран решать, что есть добро и зло? Но тогда у каждого образуется свое добро и зло, и все уничтожается, все грани и краски смываются, тогда по Достоевскому: все можно.

М. Макс, ты прав и не прав... А как же «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»? Чем хороша правда, которая пригибает к земле, ломает крылья? И, напротив, обман возвышающий...

В. Маринушка, обман, если и возвышает – чтобы потом низвергнуть с высоты. Чем выше он тебя вознесет – тем страшнее падать.

М. А если он дает взлететь, когда иной возможности нет?

В. А разве ты не чувствуешь иронии в этих строчках? Разве могут быть тьмы истин, а сами они могут быть низкими?

С. Думаю, вы говорите о разных вещах: Марина о праве поэта творить свою истину, а Макс – об отношении поэта к истине объективной...

(Раздается бой часов)

А. Бог мой, мы совсем заговорились: Новый год, господа! Новый год!

С. За 1914-й!

М. За счастье!

А. За Коктебель!

В. (глядя в никуда) За первый год, год начала...

С. Начала чего, Макс?

А. (тревожно) Макс, а тебе не кажется, что здесь как-то странно пахнет?

В. Когда норд-ост, здесь всегда так странно пахнет...

(из-под пола появляются струйки дыма)

С. Нет, норд-ост здесь ни при чем...

(все, кроме неподвижного Волошина, тревожно переглядываются)

С. Макс, да это же пожар! Дом горит! Где ведра? Внизу? Сколько их там?

М. Сережа, неужели ты намерен затушить пожар ведрами?!

С. Но что-то надо делать! Видно, уже давно загорелось...

(С., М. и А. срываются с места и выбегают из комнаты. В. встает, но остается неподвижен)

М.(заглядывая в комнату) Макс, очнись! Ведь дом горит!

(Из-под пола прорываются языки пламени. В. простирает руки над огнем, что-то неслышно и отдельно говорит в огонь. Снова звучит орган. Пламя постепенно затухает, пропадает дым. С., М. и А. возвращаются с полными ведрами и застывают в недоумении. Занавес)

«...ЛЮДЯМ ЖИТЬ БЕЗ КНИГИ НЕВОЗМОЖНО»

Василий САМОТОХИН,
член Союза писателей России,
г. Санкт-Петербург

В конце апреля в городе Санкт-Петербурге открылась и успешно прошла в павильоне «Ленэкспо» VI выставка-ярмарка «Санкт-Петербургский международный книжный салон». На четырехдневный праздник книги съехались более 300 компаний из России, Украины, Армении, Белоруссии, Германии, Италии, Испании, Кубы, Франции, Эстонии.

...Я прошу прощения у книги,
Мною не прочитанной доселе...
Книги – это тяжкие вериги.
И любовь, и сказка, и веселье.
Я не против чуда в Интернете.
От него ни холодно, ни сложно.
Твердо верю, что на белом свете
Людям жить без книги невозможно.

Василий Кравченко

Открыла книжный салон губернатор Санкт-Петербурга **Валентина Матвиенко**. Она сказала, что в этом году выставка приурочена к двум знаменательным датам: 300-летию со дня рождения **Михаила Ломоносова** и 50-летию первого полета человека в космос. Один из разделов экспозиции под названием «Книги во Вселенной» собрал издания, которые, согласно опросам, петербуржцы взяли бы с собой в космос.

Также она подчеркнула, что, несмотря на привлекательность писательской профессии, труд этот непростой. «Писатель остается наедине с собой, перед чистым листом со своими мыслями и идеями – не каждый может организовать себя. Но если писатель сумел завоевать внимание и мысли сотен и тысяч людей, это достойная компенсация за труд. А если идеи благородны, то это великая вещь».

Председатель Счетной палаты, президент Российского книжного союза **Сергей Степашин** отметил, что в России все полки заставлены зарубежной литературой. При этом книги сильно дорожают, становятся менее доступными. Отчасти поэтому сокращается количество читающих людей. Раньше распространение нашей литературы в мире было государственной задачей, на которую тратились солидные средства. Сейчас этого нет, но Сергей Степашин считает, что эту практику надо возродить.

Писатель **Даниил Гранин** согласен с Сергеем Степашиним, что классическая и современная литература теряет читателя. Раньше существовал список писателей, не читать новую вещь которых считалось неприличным. Не знать, что написал **Айтматов**, пропустить то, что написали **Василь Быков** или **Юрий Бондарев**, не знать, что сказал **Астафьев** в последнем романе или повести, для читающего человека было невозможно. Литература сплеталась с жизнью в трудах этих писателей. И это не было модой. То, о чем они писали, касалось каждого из нас. А сейчас нам навязана новая модель потребления, но не созидания. Как живет человек труда, творческому человеку в этой системе? Это можно осмыслить лишь как явление, пропущенное через душу художника. Идет государственное наступление на литературу. Проводятся празднества **Кирилла и Мефодия**, устраиваются литературные фестивали – и в то же время подписываются постановления о сокращении часов преподавания литературы в школе.

Даниил Гранин считает это государственным лицемерием. Да и на сегодняшней выставке есть книги стоимостью в месячную зарплату учителя. Кто же такую книгу позволит себе купить?

Российская книжная культура долгие годы была образцом безупречного вкуса. И надо приложить все усилия, чтобы вернуть ей этот статус.

Писатель **Михаил Веллер** считает, чтобы снова сделать россиян самой читающей нацией в мире, нужно начать с малого – вернуть на улицы книжные лотки. Чтобы по дороге домой любой человек мог остановиться, посмотреть и оценить новинки современной литературы.

– На мировом рынке некоторые наши книги абсолютно не говорят о России, – поделился известный писатель. – Тут можно привести в пример советскую литературу – она представляла страну, отличала ее от других. Если Россия будет сильной и самодостаточной страной, это, так или иначе, отразится в литературе. Ведь писатель по большому счету ничего не выдумывает, он только обрамляет в слова то, что есть. Есть еще большая проблема – из современных книг исчез простой человек. Герои книг бандиты и неудачники. А эта продукция не требует работы ума и души. А душа обязана трудиться.

Публицист **Александр Невзоров** говорит своим читателям, что сегодня общество выдает сертификат на невежество. Невежество культурное и историческое запрограммировано и востребовано.

Что такое культурный человек? Это человек, способный отличить добро от зла, хорошее от плохого. А при нынешнем культе потребления не грех сказать, что культурному человеку жизнь, природа, люди, искусство дают неизмеримо больше, чем человеку, потребляющему суррогаты культуры. Культура – это еще и основа самосознания, без культуры человек управляем, с ним можно делать все, что угодно. Такие души ждут «прикольных» удовольствий и такая литература сегодня востребована. А надо бы побольше выпускать серьезной литературы, направленной на воспитание настоящего гражданина России. Кстати, Александр Невзоров посетил стенд с пограничной литературой и сказал, что сказки про «средний класс», который живет классно, приемлемы в рамках «Садового кольца», а в реальности большая часть России живет скромно, но дети именно этих людей будут завтра защищать Родину.

Высокую оценку печатной продукции издательской программы из Владивостока «Народная книга» дала вице-губернатор Санкт-Петербурга **Алла Манилова**. Отметили книгу стихов **Владимира Тыцких** «Ночной перегон». В каждом стихотворении есть такие строки, от которых душа волнуется так, что хочется плакать.

Вся немочь смут и океанных лет,
Вся темнота, вся темнота глухая-
Стояла ночь над Родиной такая:
Казалось, больше не придет рассвет.
И глазу было не на что смотреть.
Но, не смиряясь с темнотой ночью,
Я до утра не спал, как перед боем,
в котором ждет победа или смерть.

Главная тема его прозы и поэзии – русское национальное сознание. Журнал «Сихотэ-Алинь», где он плодотворно трудится, – оплот православного патриотизма. А его поступки во имя настоящей литературы делают ему честь, внушают уважение даже противникам.

Ветеран войны, десантник **Виктор Воробьев** не стеснялся слез, когда я ему читал стихи Тыцких:

Нас в черную землю зарыли,
 Был горек Отечества дым,
 Но мы все равно победили.
 И снова, даст Бог, – победим!

Критики высоко оценили православную публицистику «Оптина пустынь» **Станислава Минакова**. Особенно те страницы, где описана встреча Пасхи в монастыре. Автор приводит замечательные строки из стихотворения **Олега Чухонцева** «Пасха на Клязьме»:

И день, освященный впотьмах,
 светился во славу творенья,
 И радостно, как Откровенье,
 Горел поцелуй на губах!

Заслуживает доброго слова и выходящий во Владивостоке литературный альманах «Паруса» (издательская программа Владимира Тыцких), включающий в себя стихи таких непохожих друг на друга и индивидуально интересных поэтов, как **Галина Якунина, Вера Аксенова, Сергей Барабаш, Марианна Смирнова, Виктор Бусаренко, Александр Егоров, Олег Матвеев, Эльвира Кочеткова, Вячеслав Протасов**, поэтической прозы **Льва Князева, Сергея Юдинцева, Юрия Кабанкова, Татьяны Кирияки**.

Духовный потенциал этих авторов очень высок.

Например, я не могу забыть слова из стихотворения Протасова «Душа и тело»:

Над могилой родственники плачут,
 А душа смеется – не иначе!
 Лишний груз – бесчувственное тело
 Для души беспутной и бродячей...

Сейчас очень много говорится о возрождении России, говорится разными людьми и совершенно по-разному. В «Литературном меридиане», который издается в Арсеньеве, писатели и поэты возвращают читателей к своим истокам и корням. И возвращение к истокам – это не только смены вывески на улице или изменение названия города. Или козыряние фамилией без всякого интереса к тому, что за люди ее раньше носили. Корни – это гораздо больше, шире. Это, наверное, прежде всего – гордость за историю нашей России.

К разряду удач нужно отнести и вышедший буквально на днях сборник публицистики «От сердца к сердцу» Эльвиры Кочетковой. Это действительно тонкий поэт, самобытный прозаик. Я на одном дыхании прочитал книгу и полностью согласен с архиепископом Владивостокским и Приморским высокопреосвященным Вениамином, который сказал о сборнике так: «В книге Эльвиры Кочетковой, рассказывающей о Днях славянской культуры, которые состоялись в 2010 году уже в седьмой раз, немало примеров того очистительного воздействия, что несут миру искренняя христианская молитва и талантливое русское слово».

Она пишет, что в провинции живет хуже народу, чем в столице. Но никто не спешит в ней отказываться ни от привычных жизненных устоев, ни от доставшихся от дедов нравственных ценностей. Никто в деревнях не делает попыток разрушить день вчерашний.

Есть, конечно, и тоска, но душа простого человека все равно ищет выход, надеется на будущее.

Заинтересовала петербуржцев и проза Татьяны Кирияки, которая была опубликована в «Сихотэ-Алине», «Парусе», «Литературном меридиане», журнале «Пограничник». Они отметили ее рассказы «Зачерпни детство ладоною», «Урок Мужества», «Малиновая гора». У нее прекрасные воспоминания о родителях, братьях, сестрах, доме, который в селе Заметное Приморского края. Доме в самом прекрасном понимании этого слова, где годами выверены традиции, уклад. Все происходящие события описаны, преломлены через призму восприятия самой Татьяны. Казалось бы, что может быть интересного в повседневных житейских ситуациях? Но они

оказываются наполнены таким светом, теплом, что становятся живыми, осязаемыми и выстраиваются в цельную картину. В этом мире девочке Тане все понятно – этот мир состоит из векового дерева – отца, строгого сибиряка, главы, человека одаренного, хорошо знающего технику, отличного столяра, пекущего такой хлеб, что женщины рецепт спрашивали; матери, отдающей всю себя семье и дому. Мир состоит из старших братьев – сильных, добрых, сестер – милых и домовитых. Также в мире есть множество родственников, которые живут на Дальнем Востоке, знакомых и друзей. И этот мир очень прочный и нерушимый, где каждый помогает ближнему, заботится о нем...

Проходят годы, и сама Таня, и ее сестры и братья сохраняют в душе все доброе, красивое и светлое, что вложено в них семьей.

У стенда книжно-журнального издательства «Граница» ФСБ России с первого дня было много посетителей, особенно бывших пограничников и воспитанников Первого кадетского корпуса ФСБ России имени **В. Матросова**. Член Союза писателей России полковник **Владимир Морихин** рассказал любителям военной книги, что все произведения объединяет тема любви к Родине и защиты ее интересов – издательство является лауреатом премии имени Константина Симонова «За большой вклад в развитие военно-патриотической литературы». Полковнику **Вадиму Редькову** задавали вопросы по пограничным периодическим изданиям, центральная еженедельная газета ФСБ России «Граница России» и «Граница России – Северо-Запад» шли нарасхват.

На второй день выставки на стенде КЖИ «Граница» прошла творческая встреча с коллективом региональной еженедельной газеты «Граница России – Северо-Запад». Главный редактор газеты полковник **Александр Тепляков** рассказал книголюбам о том, что издание распространяется в пограничных управлениях ФСБ России и территориальных управлениях ФСБ России по Северо-Западному федеральному округу. Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России всегда дает высокую оценку ежемесячному приложению «Северная Муза», в которой публикуются произведения прозы и поэзии военно-патриотической направленности как самих сотрудников газеты, так и нештатных авторов.

Гости книжного салона приняли участие в обсуждении повестей Владимира Тыцких «Дальнереченск. Что вам снится, родные мальчишки?», Эльвиры Кочетковой «Они уйдут незаметно», книги «От сердца к сердцу» Эльвиры Кочетковой, «Два кофейных зернышка» **Владимира Костылева**, рассказа писательницы из Москвы Татьяны Кирияки «В тайгу, за шибками», рассказов **Геннадия Богданова**, новых книг подполковника в отставке **Олега Петрова** и полковников запаса **Николая Иванова, Николая Трояна**, повести **Анатолия Смирнова** об участии пограничников в событиях на Халхин-Голе, книги стихов **Петра Носика** «Что было, то было...», стихов **Юрия Кузнецова, Валентина Курбатова**, Владимира Тыцких, **Виктора Верстакова**, Юрия Кабанкова, Вячеслава Протасова, **Николая Зиновьева, Бориса Орлова, Владимира Силкина, Марины Доценко, Людмилы Баженовой, Елены Обойминой, Нины Гуляевой**.

Стихи Валентина Курбатова – это вообще подарок душе любого человека.

Яблонь румяные дети
 Весело смотрят в окошко.
 Как мы мгновенны на свете!
 Жизнь, посидим на дорожку.
 Пусть этот вечер продлится,
 Ласточки пусть посмеются...
 Господи, солнце садится!
 Нет, ничему не вернуться.

Военная аудитория наизусть цитировала Виктора Верстакова:

Война становится привычной
Опять по кружкам спирт разлит
Опять хохочет медсестричка
И режет сало замполит.

Немного грубоватые слова, но прошедшим войну в Афганистане, они понятны.

Читателей заинтересовал прекрасно изданный КЖИ «Граница» фотоальбом «На службе Отечеству». Фолиант красочно смотрелся на пограничном стенде, и его приятно было взять в руки. Составитель альбома заместитель начальника издательства полковник **Владимир Петров**. В книгу вошли фотографии известных мастеров с портретами простых тружеников границы и великолепными пограничными пейзажами. Кстати, один из авторов альбома фотокорреспондент региональной газеты «Граница России – Северо-Запад» **Владимир Бертов**.

Анатолий Марченко «На дорогах войны. Очерки». Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, особенно она была бы интересна ветеранам войны и пограничникам.

Иван Янков: «По периметру границы Афганистана. Записки генерала пограничных войск КГБ СССР». В книге воспоминаний ветерана пограничных войск генерал-майора **Ивана Дмитриевича Яркова** исторически достоверно, с хронологической точностью воспроизводятся драматические события, участником которых он был в первой половине 1980-х годов. Вначале заместителем начальника войск Среднеазиатского пограничного округа – начальником оперативной группы, а затем офицером по связи от Вооруженных Сил Советского Союза и аппаратом главного военного советника в Кабуле. Позже – заместителем главного военного советника по пограничным войскам и советником командующего пограничными войсками ДРА. Анализируя сложную и противоречивую обстановку, сложившуюся к тому времени внутри и вокруг Афганистана, автор убедительно, на конкретных примерах показывает мужество, профессионализм и верность боевым традициям советских пограничников в зоне своей ответственности на территории ДРА. Это об этой книге сказал начальник Пограничного управления ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области генерал-полковник **Николай Козик**: «Много места в мемуарах, и это естественно, отводится организаторской и боевой работе советников различного уровня. Ведь сам автор принимал активное участие в разработке и непосредственном руководстве более полусотней боевых операций по всему периметру афганской границы, когда деблокировались и уничтожались бандформирования».

Подполковник в отставке Олег Петров «Будем жить». Об этой книге профессор, академик РАЕН, член Союза писателей России **Иван Панкеев** сказал так: «Автор заставляет читателя мыслить и сопереживать. Потому что это – не мемуары, это – исповедь. Портрет человека на фоне эпох. Для умеющего читать на страницах книги оживает время: и блокадно-военное, и условно-мирное, и непростое нынешнее. Эти времена-эпохи, края-пространства вместились в широкой душе прекрасного человека, много повидавшего на своем веку. Читая книгу, я поражаюсь простоте и бесхитростности изложения. Так пишут письма для близких, и дневники – для себя. Значит, автор считал читателей близкими своими, не скрывая от них сокровенные мысли. Для тех, кому довелось прослужить в погранвойсках, они стали навсегда родными, навсегда незабываемыми, особенными». От себя добавлю: эта книга вобрала в себя непосредственные впечатления **Олега Алексеевича Петрова**, которого я тоже называю своим Учителем, лишены штампа и ходульности. Его блокадные зарисовки – это истинное явление силы человеческого духа. Русская литература на одной стилистической игре и приемах существовать не может. Настоящий талант. Есть в его книге над чем задуматься и над чем посмеяться. Хотя один полковник, бывший поллитработник, сказал: «Петров на святое замахнулся, на нашу

партию, на коммунистов, на особистов». А я знаю, что Олег Алексеевич всю жизнь замахивался как бы не по чину, то на партию, то на перестройку, то на постмодернизм. Но пока его некоторые сослуживцы критикуют, пограничники, особенно дальневосточники, смеются, вспоминая свою молодость на границе, до слез. И говорят ему спасибо.

На выставке к пограничному стенду подходили действующие пограничники и те, кто служили на границе в разные годы. Их интересовали книги генерал-майора **Василия Щура** «Родины нашей граница», **Юрия Батурина** «Досье разведчика», **Михаила Болтунова** «Агентурой ГРУ установлено», **Николая Гродненского** «Первая чеченская», **Сергея Крохалева** «Записки военного атташе», **Владимира Морихина** «Традиции офицерского корпуса», **Василия Христофорова** «Афганистан. Правящая партия и армия 1978-1989 годов», **А.Плеханова, А.Попова** «Наследники Суворова».

Уверен – то, чем занимаются военные писатели, является далеко не одним только личным их хобби. Потому что история – это тот духовный фундамент, на котором вырастает нация. И сегодня очень важно, чтобы молодое поколение воспитывалось на глубоко исторических и – главное, с любовью написанных книг о своем Отечестве.

Один из дней на выставке объявили детским днем. Перед детьми выступали писатели **Валерий Воскобойников, Алексей Шевченко, Марина Тахистова, Дина Сабитова**, особенно запомнилась детишкам встреча с **Григорием Остером**, самым веселым классиком детской литературы. Поколения малышей зачитывались «Вредными советами», хохотали над «Ненаглядными пособиями» по математике и физике, замирали у телевизоров, увидев на экране героев любимых мультфильмов: котенка по имени Гав, шаловливых обезьянок, Попугая, Слоненка и Удава. На презентации книг «Сказка с подробностями», «Робинзон и тринадцать жадностей» смеялись и родители, и дети.

Герои журнала «Веселые картинки» тоже собрали своих друзей. А детский писатель **Александр Прозоров** заметил, что хребтом любой национальной культуры является именно детская литература. Россия всегда славилась не только писателями, но и читателями. Что уж кривить душой – интернет, телевидение заполняют часть духовного пространства человека, но в силу своей специфики они глобализированы, а значит, не приносят в мироощущение гражданина чувства национального самосознания. Люди в погонах еще успели впитать в детстве дух нашей детской литературы, где Родина начинается «с картинки в твоём букваре», и именно этим духом они и были сильны. Конечно же, эта литература была заметно идеологизирована, но вместе с тем она воспитывала настоящих патриотов. Детские произведения основывались на лучших образцах русского фольклора, на преданиях, сказках. И все они учили защищать свое Отечество «не щадя живота своего». Обратите внимание на лучшие произведения европейских авторов для детей, на того же Гарри Поттера. Они совершенно космополитичны. Наша же детская литература сохранила самобытность, и именно она влияет на самосознание ребенка, с малых лет прививая ему самое главное – чувство Родины. В этом плане многие посетители выставки дали высокую оценку детской литературе, которую выпускает КЖИ «Граница» в серии «Защитники Земли Русской». Большой популярностью пользовались книги полковника **Владимира Петрова** «Георгий Жуков – маршал Победы», «Николай Кузнецов – человек-легенда», «Застава Героев», «Князь Владимир Красное Солнышко», «Генерал Ермолов – проконсул Кавказа»; полковника **Владимира Морихина** «В воздухе – асы», «Денис Давыдов»; **Людмилы Калиниченко** «Сражающиеся столицы».

На второй день выставки состоялась презентация книги **Владимира Морихина** «Азбука юного пограничника». Скажу сразу, книга эта необычная. Она о нашей Родине – России, вернее, о том, с чего она начинается, – о государственной гра-

нице. Здесь и история Пограничной Службы России, и рассказы о том, какие есть на границе именные заставы и корабли, какую форму носят воины в зеленых фуражках. И, конечно же, о первых пограничниках России – Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Хочется привести мнение посетительницы выставки Валентины Гуляевой, которая купила для внука Владимира Балабанова эту книгу с автографом автора:

– Книга пограничника Морихина рассказывает о том, чтобы наша жизнь протекала мирно, ее ежесекундно охраняют верные сыны России – пограничники. Полезная для детей книга.

Я хочу отметить, что интерес молодых читателей и общественная значимость книги обусловили высокий по нынешним временам тираж – 10 тысяч экземпляров.

На выставке развернулась дискуссия: что же важнее для писателя: непосредственное участие в военных действиях или осведомленность о том, за что воевали в Афганистане и Чечне. Большинство выступающих были на позиции непосредственных участников второй Чеченской кампании **Александра Карасева, Захара Прилепина и Аркадия Бабченко**. Особенно жестко раскрывают тему Чечни «Чеченские рассказы» Аркадия Бабченко. Хотя мне ближе лаконичное описание боевых действий в рассказе Александра Карасева «Дорога в облака». Эта история солдата Леша, который вопреки воле родителей пошел служить в армию и оказался в Афганистане. «Обещая зарвавшейся пехоте смерть, солнце садилось в непокорные скалы, мятежники подтягивались для броска, их дерзкие фигурки били из-за камней все прицельней...» – вот так описываются армейские будни пехотной роты, в которой служил Алексей.

А противниками этих писателей выступали сторонники **Владимира Маканина** с его романом «Асан». Мол, «кто это вам сказал, что, повоевав, вы знаете, что такое война?»

Успешно прошла презентация «Дней Сергея Довлатова» при участии Генерального консульства Эстонии в Санкт-Петербурге, презентация книги «Уйти вместе с ветром» **Марии Семенович**, автора бестселлеров «Волкодав», «Валькирия».

Запомнилась посетителям встреча с **Андреем Кивиньким**, охотно раскупали его книгу «Испанский башмачок», встреча с делегацией Кубы, много военных было на презентации новой книги «Времени холст» петербургско-

го писателя подполковника запаса ФСБ **Евгения Лукина**.

Жаркими были споры на дискуссионном «круглом столе» «Новый формат чтения (электронная книга): необходимость или неизбежность?» Шла речь и об аудиокнигах. Оказалось, что слушают книги люди молодые, энергичные и, как теперь говорят, продвинутые. Во-первых, это колоссальная экономия времени. Слушать можно когда и где угодно. Во-вторых, MP3-плееры становятся все меньше размером, их удобно носить в кармане, да что говорить – аудиокнигу можно слушать даже по современному мобильному телефону.

В-третьих, аудиокниг уже большое количество – возможности выбора практически неограниченны. Я же считаю, что в обычной книге больше свободы, ведь каждый из нас по-своему слышит голос автора, мы читаем где-то быстрее, а где-то медленней, иногда, пораженные, останавливаемся на слове или фразе, да и оформление книги не надо сбрасывать со счетов – во всем этом прелесть общения с настоящей книгой. Большинство же писателей уверены, что мы живем в эпоху переходную. Подобно тому, как люди XV века постепенно приучались читать книги не рукописные, а печатные, мы осваиваем новые носители информации, новые формы бытования литературы.

Активное участие принял на «круглом столе» «Сербско-русский диалог» сотрудник газеты «Граница России – Северо-Запад» писатель **Аркадий Белый**. Сербские писатели дали высокую оценку роману «Рождение империи». Они подчеркнули, что роман не прост в чтении, но и не усложнен, не запутан пустым глубокомыслием. Написан хорошим литературным языком, отличается мастерством построения художественного образа, полнотой и целостностью.

Писатели на различных семинарах обсуждали книги Александра Проханова «Стеклодув» и «Истребители», **Павла Крусанова** «Укус ангела», Захара Прилепина «Санья», **Эдуарда Лимонова** «СМРТ», **Виктора Пелевина** «Ананасовая вода» о противоречии России и Америки, **Владимира Сорокина** «День причника», **Алексея Иванова** «Сердце Пармы», **Юрия Мамлева** «Империя духа», **Романа Сенчина** «Елтышевы», **Леоныда Бородина** «Ушел отряд»...

Значит, есть еще порох в русских литературных пороховницах. Значит, жива еще русская литература.

Фото **Владимира Бертова**

ЧТОБЫ ВЕРИТЬ ЛЮБВИ

Юрий БЕЛИНСКИЙ,
г. Комсомольск-на-Амуре

* * *

Мои друзья пережились,
Ушли в дела, переменялись,
Потомками обзавелись...
У них теперь другая жизнь.
Они забыли про беспечность,
Практичны стали и при встречах
Взирают на меня с высот
Своих семейственных забот.

А я как «белая ворона»
Влетаю в каждые ворота,
Своей наивностью смешон.
Друзей, как прежних, понимаю.
Практичность их не принимаю,
И... на нетрезвость подбиваю,
К неудовольствию их жён.
И сам себе внушить пытаюсь,
Что в их заботах не нуждаюсь,
Что не желаю их забот.
И... ухожу, не дожидаясь
Простых намёков на уход...

Вечерним городом иду
От всех друзей своих далёким.
Быть одиноким на виду
Вдвойне быть значит одиноким.
А ты не знаешь обо мне.
Прости нелепое признание,
Что мщу беспечностью тебе
За это долгое незнание...

Как больно давит темнота,
Когда в унылой комнатке
Меня встречает пустота
Глазами старого кота,
Который дремлет на подушке.

Я говорю беззлобно: «Брысь!»
Сажусь, колени обнимая,
Ещё тоскливей понимая,
Что буду ждать тебя всю жизнь...

* * *

Свидетель безликих идей,
Не ставший пока диссидентом,
Я верю чутью лошадей
Сильнее, чем всем президентам.

Я еду в такие края,
Которыми разум мой бредит,
Но тёмная лошадь моя
Родной стороны не объедет.

За вожжи я крепко возьмусь
И буду упрашивать Бога
О том, чтоб на русскую Русь
Была покороче дорога.

Закутаюсь плотно в тулуп,
И буду отсчитывать вёрсты,
И буду смотреть, как на круп
Холодные падают звёзды.

ЖЕНЩИНЕ

Во мне ни жалости, ни злобы.
Во мне ни дыма, ни огня...
Полжизни надо было, чтобы
Понять, что ты не для меня.

Во мне безумная усталость.
Во мне желанье дверь забыть...
Ещё полжизни мне осталось,
Чтобы суметь тебя забыть...

ЛУННЫЙ СВЕТ

Вошёл я в комнату свою,
Предвосхищая встречу страстно,
И очутился на краю
Почти чужого мне пространства.

Полгода не было меня.
И вот никто меня не встретил.
Никто уже на склоне дня
На ласку лаской не ответил.

Вздыхнул я, рухнув на кровать,
Но обошёлся без стенаний,
И понял: буду куковать
Один в гнезде воспоминаний.

И обратил свой взгляд к столу,
Где рядом, крыса не доела, –
Клочок бумаги на полу
С прощальным словом:

«Надоело...»

Увидел лунный свет в окне
Над тишиной предновогодней,
И что-то скучно стало мне,
И душно, словно в преисподней.

Я встал и форточку открыл,
И шумно комната вздохнула,
Как будто пара птичьих крыл
Легко и радостно взмахнула.

И как-то ясно стало вдруг
И утешительно от мысли,
Что наполнялось всё вокруг
Дыханьем воздуха и жизни.

Оно по шторам вниз текло.
И по коврам уже струилось.
И грустно мёртвое тепло
Его движенья сторонилось...

ЛЮБЛЮ!

Новой истины я не открыл,
Новой ереси не изрёк,
Ничего из земли не отрыл,
Ничего из небес не извлёк.
И дорогу не ту проторил.
Не постиг, что мне было дано.
И банально слова повторил
Те, что в мире звучали давно.
Появился я, видимо, зря
В этот мир без опоры земной.
И на небе высоком заря
Появляется зря надо мной.
Я не знаю, каким надо быть,
Но не буду вовек нелюдим,
Потому что живу, чтоб любить,
И ещё – чтобы знать, что любим.
Чтобы страсть разливалась
в крови
От любимого лика в окне.
И ещё – чтобы верить любви,
И любовь чтобы верила мне.
Лишь поэтому день ото дня
Я себя в этом мире терплю...
«Что ты делаешь?» –
спросят меня.
Я вот так и отвечаю: «Люблю!»

ВСЕГДА ГОВОРИМ НЕВПОПАД...

Марина ВОРОНОВА,
г. Стерлитамак

* * *

Всё выше и чище небо,
Звенит под окном капель,
Хотя до Бориса и Глеба
Немало ещё недель.
И заморозки, и стужа
Случатся ещё не раз,
Но мартом уже разбужен
Огонь неуёмный в нас.
Ещё не бушует пламя,
Мы им не обожжены
И всё же готовы сами
Взойти на костёр весны
Безропотно, добровольно,
Без тщетных надежд на рай...
Не бойся, не будет больно,
Скорее бы только май!

* * *

У лета бабьего особый запах,
И вкус, и цвет, и музыка своя.
Ночное небо
в синих звёздных лапах
Раскачивает чашу бытия.
А в полдень в лабиринтах
паутины
Плутает солнце, вязкое как мёд,
И в воздухе с горчинкою
полынной
Знакомый журавлиный клин
плывёт.
В такие дни, чудача и балуя,
Душой оборотятся к себе самой,
Так сладко опьянеть от поцелуя,
Который будет помниться
зимой.

* * *

Девочка стоит в пыли
дорожной –
Кукла, белый бантик,
пёстрый зонт –
И наивно верит в то, что можно
Пальчиком потрогать горизонт.
С чёлкою соломенного цвета,
В платье цвета солнца самого,
Девочка, похожая на лето,
О зиме не знает ничего.

Ничего не знает про утраты,
Про тоской заполненные дни...
Дети словно ангелы крылатые,
И светлы, как ангелы, они.

* * *

Ты – житель чуждой мне страны.
Мы даже в этом не равны.
Но всё равно приходит час –
И всё теряет смысл для нас:
И меркнет свет, и гложет звук,
И враг – не враг, и друг – не друг...
Одно, одно наверняка:
В твоей руке моя рука.

* * *

Я слишком высокую ноту взяла,
Мне птицей хотелось парить.
Но, видно, не очень-то
крепкой была
С тобой нас связавшая нить.
Теперь мы всегда
говорим невпопад,
Быстрее расстаться стремясь.
И новый над нами кружит
листопад,
И старая рушится связь.
– Всеми свои сроки, –
беззвучно шепчу,
В озябшие руки дыша.
Но вовсе без неба я жить не хочу,
Коль стала крылатой душа.

* * *

Лебедь зимы.
Крик печальный и тонкий.
Время течёт сквозь
твои перепонки,
Льда истончая пространства
и глыбы,
С вечностью что потягаться
могли бы.
Слышно, как крыльями бьёт уже
где-то
Голубь грядущего жаркого лета.
Будут в купели небес
кувыркаться
Птицы, которых сумели
дождаться.

* * *

Во мне как будто
выключили свет.
Тебя со мною рядом больше нет.
Всё правильно, всё верно,
без обид.
Но свет погас.
Он больше не горит.
Да, этого хотела я сама.
Но, Боже, отчего такая тьма?

* * *

Эти двое – пленники невстреч,
Негде им обняться, негде лечь,
Негде им любить,
смеяться, спать –
Дом чужой и занята кровать.
Только снег да стальные ветра
Лица им шершавят до утра.
И наступит утро – и опять,
Негде им проснуться,
негде встать...
Бесприютен и бездомен мир,
Где пустуют тысячи квартир.

* * *

Пусть будет так, как я хочу,
И ты мне не перечь.
Прижаться к твоему плечу,
Чтоб рядом в землю лечь,
Чтоб слиться в целое одно,
Чтоб стала общей кровью,
Чтоб утром распахнуть окно
И знать, что есть любовь.
Чтоб сердце падало до пят,
Казался явью сон,
Чтоб каждый каждым был
распят
И им же воскрешён.
Я слишком многого хочу,
Несбыточны мечты –
Прижаться к твоему плечу
И знать, что рядом ты.

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Александр ПЛЕТНЁВ,
г. Омск

* * *

Представь: давно пишу
письмо тебе
Я из какой-то деревенской дали.
Свет лампы, и буран поёт
в трубе,
Мороз свирепый бродит
и скандалит.

Живу, как жить положено поэту,
Не поддаваясь
чувствам-мелочам.
Грущу. Курю не в меру сигареты
И письма сочиняю по ночам.

И вдруг очнусь, послушаю пургу,
Что лапой по окну скребёт
косматой.
И вдруг пойму, что выслать
не смогу
Письмо за неимением адресата.

Ну что ж, пусть недоступен
адресат,
Я стану новое тебе письмо
писать.

* * *

И ты умрёшь, и твои дети
Состарятся, ведь годы – дым.
А я останусь на планете
Сорокалетним, молодым.

И будут небеса всё те же,
И тот же пух, и тот же прах,
И я с походкою медвежьей
И с состраданием в глазах.

Останусь я в корявых строчках,
Замешанных в моей крови,
Останусь в запятых и точках
Моей «грамматики любви».

Лишь одного не изживу я:
В каком краю, в каком пути
Я потерял тебя, живую,
И где потом тебя найти?

В какой траве, в каком тумане,
В какой воде, в каких цветах? –
Смерть меня вечно не обманет,
И ты не превратишься в прах.

Ты не умрёшь, пусть твои дети
Состарятся. Пусть годы – дым.
Ты будешь вечно на планете,
Пока я буду молодым.

* * *

Под ветром ржи тяжёлый вал
Играет в предзакатном свете.
Я помню: казахстанский ветер
На мне рубашку раздувал.

Закат пылал. Слабел мой конь –
Я гнал его вслед солнцу адски.
Но солнце вдруг по-азиатски
Расплылось ликом широко.

С восточной мудростью в глазах
Меня остановил казах.

И озадаченному мне:
– Ты хочешь день?
Джаксы, малайка,
Но солнце в этой стороне, –
И на восток махнул нагайкой.

Прошло немало зим и лет,
Но памяты казах и вечер.
И не гонюсь я солнцу вслед,
А тороплюсь ему навстречу.

ПАМЯТЬ

Когда окно залепят снега кучи
И даль мутна, а ветер жгуч и крут,
Я оторвусь от дел своих текущих,
Гляжу в окно по несколько
минут.

И памятью (о, эти годы жутки!)
Увидел я в мутнеющей дали:
Сибирь, быки, я в рваном
полушубке,
Пурга, и нет ни неба, ни земли.

Казалось, что планета вся
остыла
И нет тепла – везде пурга да снег.
И прятался за воз – опора тыла –
Четырнадцатилетний человек.

Но нет войны.
И тыла быть причины
Давно уж нет, а жили все в беде.
Нет мужиков –
по городам мужчины,
А то и вовсе неизвестно где.

А мы, неоперённые подростки,
Не погружались в страх тогда
и жуть,
Не выбирали путь
на перекрёстке,
Заранее свой зная тяжкий путь.

* * *

Девчонка пела про Дунай
На школьном вечере, зимою.
Девчонка, не моя вина –
Струи другие сердце моют.

Поёт девчонка про венок,
Что очень он красив и ярок,
Что водный путь его далёк –
Посланца пламенных мадяроков.

Поёт девчонка под баян
Усердно, нарочито громко.
А я душой из дивных стран
Опять к тебе вернулся, Омка.

Не половинчатый, а весь
Пришёл к тебе я в тихий вечер.
О, сколько по России есть
Малоизвестных этих речек,

Которые с водою всей,
И с камышом высоким волглым –
Свой... сердцу милый Енисей,
Своя, до самой смерти, Волга.

СНЕГА ЛОЖИЛИСЬ...

Юрий КАБАНКОВ,
г. Владивосток

* * *

Она по ночам приходит и будит...

Ласточке – глины,
цыгану – бубен,
серому мишке –
железку в губы;
хмурым гребцам –
в звёздном ковше,
чуть колыхаемом, –
звёздную жесьть;
мастеру –
бронзу,
на славу сваянную,
позеленевшую уже;
лейтенантам –
Тулон разрушенный;
малышам –
пароход с игрушками:
с флагами, с пушками;
антиквару –
рожок позолоченный
газовый;
мне –
воочию –
фею голубоглазую...

Спите.
Сегодня рассвета не будет.
Завтра тоже рассвета не будет.
Больше совсем рассветов
не будет.

Спите.
Луна разбудит.

* * *

Не помышляй о вечности:
живи –
морской звездой
в ослепшей глубине;
смотри:
песчинка,
превращаясь в жемчуг,
не ведает о собственной
кончине.
Не обольщайся вечностью:
века

зарыты в дюнах;
саркофаги пахнут
молоками и каменной
дробильней...
Пусть над землёй дожди
пройдут обильней –
о смерти не придется ворожить
на зубьях черепаховой
гребёнки.
Твое единственное право:
жить
и смертью не тревожить
сон ребёнка.

* * *

Пристальный взгляд рисунка.

К пристани тянутся ливни,
подталкиваемые ветром.

Колючий штрих проволоки –
и тяжелеет затылок неба.

Сдвинулся горизонт
и подступает к горлу.

Так однажды рассыпалась
стройная керамика берега.

Базальтовый песок течёт
меж пальцев.

* * *

У тебя эта тяга кровя –
спеленать и огонь раздуть...

Очагу благодарен будь.
Благодарный – не прогадай:
либо – звезду за пазухой,
либо – узду заказывай.

Или – совсем продай
домик с вишневым цветом.

Дымом заплатит ветер,
и на золе погадай:
много ль осталось зорь
ясных, как эта боль.

* * *

Жизнь без любви...
Переменяясь,
брели снега у самых окон.
Шли поезда по снежным
насыпям.
И шхуны зимовали в доках.
Снега ложились,
как подкошенные,
почти сливаясь с отголосками
вот этих окон непогашенных,
в которых размещался
госпиталь.

Снег прибывал.
Как пассажирский
нескорый.
Возле расписания
расхваливал вино алжирское
матрос,
пригодный для списания
с любого судна.

... Ждали катера.
Снега едва касались леера.
Он тупо вспоминал о матери
и, пальцы растопырив веером,
смотрел на стёртые ладони.
В бушлате отсырели спички...
И снова вспоминал о доме
в пустой холодной электричке.

...И только утром, на рассвете,
мать, разогнувшись от корыта,
под родинкой рубец заметит –
глухой,
как след метеорита.

* * *

Необоримая беда
легко справляется с добычей.
Лишь ивняковая вода,
как погремок на шее бычьей,
тебя утешит иногда...

МИГ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ

Вера ГУНДАРЕВА,
г. Артём

* * *

Я каждый день не при параде
И никого к себе не жду.
В глухих ночах – чего бы ради? –
Словами пачкаю тетради,
А после кофе пить иду.

Стихи – сплошная лотерея.
Устав от них, в ночной тиши,
У батареи спину грея,
Читаю «Дориана Грея»,
И ненавидя, и жалея
Портрет загубленной души.

* * *

От дневных спасаясь ритмов,
Ночью я пишу сонет.
Свет тушу – приходит рифма.
Свет включаю – рифмы нет.

ПАРАЛЛЕЛИ

Мелите, праздные Емели,
Неделя ваша. Между тем
Я нарисую параллели,
Не параллельные совсем.

В какой-то миг благословенный
Они сойдутся в точке энной,
Меня с тобой соединят
И параллельность сохранят.

* * *

По асфальту лист опавший –
То вприпрыжку, то ползком...
Забываю день вчерашний,
Не жалею ни о ком.

Слово острое сточилось,
Улеглась былая прыть.
Если что-то не случилось,
Значит, так тому и быть.

* * *

Прекрасен миг небытия –
Прохладный, нежный,
шёлковый...
И скажут все, что умер я
От терапии шоковой.

* * *

Принесу грибов корзину,
Отдохну заслуженно.
Хоть пишите с них картину,
Хоть пожарьте к ужину.

* * *

Рациональное зерно
Искали в истинах банальных,
А обнаружилось оно
Средь зёрен иррациональных.

* * *

Светлый лунный блик
На стекле возник.
Это ты ко мне
Памятью приник.

Годы ни при чём,
Горе нипочём.
Я вернусь к тебе
Солнечным лучом.

* * *

Снова снежные заносы,
Ночь от них светлее дня.
Я на белом, как заноза.
Выньте кто-нибудь меня
Из рассеянного света,
Батарейного тепла
И опять воткните в лето,
Где я счастлива была.

* * *

Со мною спорит он в охотку –
Мужская логика железна!
Твердит, что овощи полезны,
А сам под них хлебает водку.

* * *

С поэтами всегда одна морока.
Всего надёжней –
трезвый вариант,
А то, глядишь, придушат
раньше срока
Вполне сформировавшийся
талант.

* * *

Солидный творческий багаж
И... очень маленький тираж.

* * *

Теперь у всех такая жизнь –
Непредсказуемо-тревожна.
На должном уровне держись
И даже выше, если можно.

А станет вдруг немогоду –
Терпи, поскольку лишь терпенье
Не даст шагнуть за ту черту,
Где начинается паденье.

* * *

Украдут урожай с огорода,
И хозяин промолвит, скорбя:
– Ничего мне не жаль
для народа,
Но немножко хотел для себя.

* * *

У памяти долгие руки,
У памяти пристальный взгляд.
Как верные стражи, разлуки
За каждую встречей стоят.

* * *

Хотелось соловьём запеть
И яркой бабочкой вспорхнуть,
И заплясать, и засвистеть,
И в синем небе утонуть.

Но снеговая круговерть
Остудит пыл, сводя с ума.
Впадаю в спячку, как медведь.
Зима...

* * *

Целый день, не затихая,
Цокал дождик за окном
И прозрачными стихами
Мне нашёптывал... О ком?

УВИДЕТЬ ДОБРЫЙ ПУТЬ

Дмитрий СОСНОВ,
г. Омск

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Ночные яблони как будто
 слиты с небом
Ветвями, листьями
 и просто тишиною.
И нежные цветы – белее снега –
Душе даруют что-то неземное,

Которое не обозначишь словом,
Поскольку это просто ощущение.
Вернее, чувство, что душа готова
Принять к Творцу –
 благое приближенье.

И стать песчинкой в море
 мироздания
Для доброты и света обретенья...
Ночные яблони,
 о, как я благодарен
За ваше чудотворное свеченье.

НАЕДИНЕ С РОССИЕЙ

Надо мною купол неба синего,
А вокруг деревни тишина.
Вновь душа наедине с Россией
Вечных чувств
 торжественно полна.

Дай-то Бог, чтоб колесо истории
Покатилось к свету и добру,
Чтоб слова поэтов что-то стоили
В потерявшем Господа миру.

Чтобы звёзды
 всем влюблённым виделись
Так, как мне
 в сей драгоценный час.
Верю я – восстанут духа витязи,
Что пока безвестны среди нас.

Не хочу повторов, потому-то я,
Лишь скажу: живи, страна моя,
Не сломить тебя
 кремлёвской смутою,
Если смысл святого бытия

Вспомнишь ты...
 И всё пойдёт спасительно,
Как давно б идти пора уже.
...Я опять наедине с Россией
Завершаю разговор в душе.

* * *

Улетай, моя белая птица,
Не могу я тебя удержать.
Только знай:
Будет долго мне сниться
Твой отлёт через годы опять.

Уноси моё счастье на крыльях –
Я не вправе тебя осудить.
Я уже не кричу от бессилья –
Силы нет молчливо кричать.

Уноси без возврата и радость,
И печаль мной воспетой любви,
Но оставь драгоценную
 малость –
Недопетые песни мои.

* * *

А.

Распусти, дорогая, волосы,
Ты же любишь и волю, и ветер.
Пусть на плечи нежности полосы
Упадут,
И да будет светел
Этот миг предпоследнего дня
Уходящего в вечность лета.
Дорогая, ты слышишь меня?
Этот миг – светоносная мета
На моём тернистом пути,
А не просто хорошая тема.
Ты сумела меня увести
Из кошмарного душного плена
Никчемных и глупых тревог,
Беспокойств и пустого волненья.
И да будет славиться Бог
Каждый день
 за твоё сотворенье.

ГАМЛЕТОВСКИЕ ПОСМЕРТНЫЕ СЛОВА

Что делать здесь?
 Отец с любимой вместе
Взошли на небо. Стало быть, и я
К ним доберусь дорогой
 высшей чести,
В бою допив свой кубок бытия.

Я подтвердил святую клятву
 делом,
И мне теперь почти уже смешно
Смотреть, как там, внизу,
 выносят тело,
Которое мне больше не нужно.

И всё же битва пахнет
 преисподней,
Перебивая запахи цветов...
– Отец! – я крикну радостно
 сегодня,
Тебя, Офелия, я обниму без слов.

* * *

Мне никогда не будет всё равно,
Что побеждает: зло или добро,
Мои стихи всегда встают стеной,
Когда вопрос такой встаёт
 ребром

Пред человеком,
 пред моей страной
И даже – иногда – планетой всей.
Я режу – как ножом –
 своей строкой
Чудовищную дьявольскую сеть,

Которая желает уловить
В смертельные объятья
 сотни душ.

Взываю звучно
 к Божьей Вселюбви:
«Хитросплетенья адские
 разрушь

И помоги увидеть добрый путь
Любому, кто в потёмках
 заплутал...»

...Мне никогда себя
 не обмануть,
Поскольку о добре всегда
 мечтал.

СИВИЛЛА

Вячеслав СЕРИКОВ,
г. Омск

Натужно воя моторами, тяжело разбежался по взлётной полосе явно перегруженный транспортный самолёт. С трудом оторвавшись в самом конце полосы, он нехотя стал набирать высоту. И вдруг надрывной рёв моторов смолк. Самолёт, теряя скорость, на миг завис в воздухе, затем скользнул на хвост, резко опустил нос и в крутом пике врезался в рисовую чеку, начинающуюся сразу за аэродромом. Подняв столб воды и грязи, машина с глухим, чавкающим звуком ушла глубоко в топь, оставив на поверхности небольшую часть хвостового стабилизатора.

Была война. В начале 1945 года на окраине старого Ташкента находился небольшой прифронтовой аэродром. Как-то трудно воспринималось понятие «прифронтовой» – от Ташкента до линии фронта было далеко, но расположенный здесь авиационный транспортный полк работал только для фронта, тем самым, оправдывая своё название.

Рисовые чеки – это участки, огороженные земляными отвалами, засеиваемые рисом и заливаемые водой. К упавшему самолёту невозможно было подъехать, тем более откопать его или вытащить, да и техники мощной не было. И сколько я помнил (пока мы не уехали из Ташкента) издали был виден хвост самолёта, словно памятник погибшему экипажу. А в смерти его никто не сомневался. Одним из членов экипажа был мой отец.

Тяжело переживала мать постигшее нас горе. Родственников не было – мы остались одни.

Накануне этих событий в Ташкенте появилась гадалка. Кто-то сказал, что это – Сивилла, прорицательница, и этим поверг всех в тихий ужас: больно уж непонятное было слово, поэтому и страшило. Слухи ходили самые противоречивые, возможности ей приписывали необыкновенные.

Сидела она у входа на базар с раннего утра и до позднего вечера, и очередь к ней стояла весь день невиданно длинная. Некоторые приезжие, не попав к ней до вечера, бывало, тут же на улице и ночевали, под могучей чинарой, на берегу широкого арыка, чтобы с утра быть в числе первых.

Сходить к ней матери посоветовали соседки по ба-
раку, где мы жили. Пусть, мол, предскажет, как судьба сложится. И через три дня, ранним утром, мать, наревевшись досыта, выплакавшись досуха, пошла на базар, взяв меня с собой.

Конец апреля. Несмотря на ранний час, уже душно. Сады утопают в зелени. Под урючинами и яблонями земля покрыта розово-белыми лепестками. Голубой

воздух над садами гудит басовито от пчелиного жужжания. Улицы города, точно аллеи городского парка, тенисты и дремотно тихи.

Одноэтажные, побеленные известью домики, огороженные палисадниками, похожи на украинские хаты. На окнах горшки с цветами, среди которых особенно заметна герань. Ставни, ворота и палисадники окрашены в зелёные и синие цвета. Пыльные кривые улочки сливаются в единую широкую, которая упирается в базарную площадь. В месте слияния улиц под густой листвой карагача на разостланном грязном халате сидела нищенка, рядом лежала грязная старая тюбетейка, в ней несколько мелких монет, куски ячменной лепёшки.

Базар гудел от людской разноголосицы, как пчелиный улей, пестрел яркими красками одежд. Чего только здесь не было! Ферганские шелка, мата местной выделки, глиняная посуда, халаты, тюбетейки, ичиги, шелковые платки. Из фруктов – горы яблок, урюка, гранатов, орехов, фисташек, кишмиша. По весьма сходной цене продавались бараны, лошади, коровы и другая скотина.

Сюда съезжались из разных близлежащих кишлаков и даже из далёкого Коканда и Оша. Наряду с одетыми по-европейски и в национальные одежды местными жителями, нередко встречались одетые в диковину приезжие. Это туркмены – рослые, с коричневыми, обожжёнными пустыней лицами, в чёрных лохматых бараньих шапках, парчовых халатах. Ещё казахи – в длинных овчинных шубах, на головах лисьи треухи, лоснящиеся скуластые лица, хитрые раскосые глаза.

И по всей длине подъездной улицы бесконечная людская очередь, в голове которой на маленьком коврик сидела женщина. На её плечи наброшен большой и яркий, с преобладанием тёмных тонов, цветастый платок, закрывающий её полностью. Говорили, что она из Персии. Сухощавая, смуглая, лицо удлинённое, грубоватое, нос с горбинкой, изборождённые глубокими морщинами лоб, впалые щёки. В усталых и грустных глазах светилась нежитейская мудрость.

Люди стояли молча, понурившись, не общаясь друг с другом, каждый наедине со своей бедой. Редко, если кто и обменивался новостями с фронта, то говорили чуть ли не шёпотом, чтобы не потревожить печальных дум соседа.

А тревожило всех, в общем-то, одно: пропал без вести – жив ли? Более полугодом нет писем с фронта – жив ли? А может, ранен, лежит в госпитале, не пишет,

чтобы не расстраивать? Те, кто получили похоронки, стоят с тайной надеждой: вдруг ошибка, ведь были такие случаи. В благодарность несли кто что мог: десяток яиц, что-то из продуктов, одежду, снимали с себя последние нехитрые украшения: колечко, браслетик. Была война.

Когда подошла очередь и мы оказались лицом к лицу с этой странной, загадочной женщиной, мать как-то растерялась, оробела и стояла молча, мучительно думая: «Ну зачем я пришла? Прошое сама знаю, настоящее со мной. Если у других муж пропал без вести – то есть надежда, что он жив. А тут всё ясно, всё на глазах – вон, до сих пор хвост самолёта из земли торчит. О том, что ждёт, как жизнь сложится – вряд ли кто предскажет, потому что оно в твоих руках, ты хозяйка своей судьбы. Говорят же в народе: как по-топаешь, так и полопаешь. Не надо было приходиться». И она беспомощно глянула на гадалку. Удивлённая молчанием женщина медленно подняла голову и одним взглядом окинула мою мать, словно объяла её целиком и вобрала в себя, так широко раскрылись её чёрные зрачки и сразу же сузились до точки, равной острию иглы. Усталое лицо смягчилось теплотой, пониманием, и чуть приметная улыбка, проскользнув, буквально преобразила её лицо, расправив глубокие морщины. Она словно помолодела, лёгкая тень воспоминаний, видимо, вернула её в далёкое, вероятно, приятное прошлое. Но тут, словно облачко на небо набежало – погасла улыбка, склонилась голова, устало прикрылись глаза. Каким-то глухим, безжизненным голосом с сильным акцентом женщина вдруг сказала непонятную фразу, непонятную по смыслу, которая противоречила случившемуся, ничего не объясняя, окончательно всё запутала. Она сказала:

– Что! Пришла проверять меня? – и, коротко взглянув на оцепенелую и недоумевающую мать, проговорила уже более мягко:

– Иди! Иди домой! Тебя муж ждёт.

И сразу зашумела, загомонила нетерпеливая очередь:

– Иди! Иди! Не мешай! Женщина! Не отнимай время! И так полдня стоим! – и ещё что-то в этом духе, что трудно выделить в разноголосом хоре. Нас буквально оттолкнули в сторону.

Мать ничего не поняла, рванулась было обратно, но её не пустили, да и место уже заняли – кто-то захлёбывающейся скороговоркой, заглядывая просительно и с надеждой в глаза вещуньи, излагал своё горе. У матери на глазах слёзы, сердце в груди бухает набатом, в голове молоточками бессвязные мысли: «Неправильно! Она меня с кем-то спутала! Я ведь даже ничего не сказала! Она ошиблась!» Мать судорожно, до боли сжала мою руку, но я только кривился, боясь вскрикнуть, хотя на моих глазах наворачивались слезинки. А мать уже вслух говорила:

– Надо подойти снова, объяснить, чтобы поняла, пусть скажет что сможет! – и мы потащились в конец этой бесконечной очереди.

Уже начинало темнеть, когда гадалка снова оказалась перед нами. Щёки её запали ещё больше, глаза ввалились, зрачки мерцали, словно из глубины ко-

лодца, заострившийся с горбинкой нос показался мне клювом на высохшем лице древней старухи. Сумерки резко подчеркнули тени под глазами и превратили её в живую ведьму из страшных сказок.

Крепко вцепившись ручками в платье матери, я жался к ней, замирая от ужаса, и даже перестал скулить от голода и усталости, от обиды, неизвестно какой на весь мир, который был мне в тот миг не мил.

Я не знаю, что испытывала мама, но она снова растерялась, стояла, потерянно теребя в руках платочек, не зная, с чего начать и как сказать о том, с чем пришла.

Узнала нас «сказочная ведьма», на мгновение мелькнула полуулыбка, так сильно молодившая её.

– Не поверила! – хрипловато сказала она и, откашлявшись, продолжила:

– Хочешь, скажу, как тебя зовут?

Говорила персиянка по-русски плохо, медленно и в растяжку, склонив набок голову, как бы прислушиваясь к звучанию своих слов, тут же поправляя себя, переиначивая слова, помогая себе жестами рук, стараясь довести до слушателя смысл сказанного:

– Шить! Нитка! Мотать! Наматывать! Круглое. Катать, катушка. Катюшка! Катя тебя звать!

Это было правдой.

– А мужа, – помолчав, она сделала несколько сильных отталкивающих от груди жестов:

– Чужой человек приходит. Его надо гнать! Гнать! Гнат! Игнат! Игнат твой муж!

И это тоже было правдой.

И вдруг, как-то съёжившись, будто став меньше ростом и потеряв всякое сходство со сказочным чудовищем, безмерно усталым и угасшим голосом сказала: – Что стоишь! Что время тратишь! Иди домой – тебя муж ждёт. – И отвернулась.

И опять загомонила очередь, до того жадно внимавшая каждому слову пророчицы. И опять нас безжалостно вытолкнули.

Быстро темнело. Сбитая с толку, ничего не понимая, мать тащила домой, крепко держа меня за руку. Я скулил, как маленькая побитая собачонка, мне очень хотелось есть и ещё – спать. День был таким длинным и тяжёлым.

...А дома нас действительно ждал отец, начиная волноваться, куда мы пропали.

Это не была сказка с чудесной колдуньей. Всё, напротив, было просто, как в жизни. Самолёт отца притормозили перед взлётом на старте. Подлетел штабной «газик» с начальником штаба. Моего отца – а был он то ли вторым пилотом, то ли правым лётчиком (это в памяти моей не удержалось) – заменили другим специалистом и тут же срочно отправили в командировку со спецзаданием. Самолёт взлетел без него...

В суматохе военных будней эта замена осталась не замеченной диспетчерской службой. Во-первых, вне плана, во-вторых, до их сведения не довели. Так и числился отец в составе погибшего экипажа, пока не вернулся из командировки, доведя своим появлением мать до истерики, а личный состав всего полка до состояния «отвисшей челюсти», за исключением, конечно, начальника штаба.

Была война...

ЧЕЛОВЕК ЖЕЛЕЗНОЙ ВОЛИ

Светлана МАЛИКОВА,
г. Владивосток

НА КОНКУРС «РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА»

*На просторах нашей страны проживают миллионы людей. И когда среди пёстрой массы появляется «белая ворона», человек неординарного свойства, живущий по своим правилам, не пьющий, не курящий, создающий на своём пути искусственные трудности, а затем преодолевающий их на протяжении долгого периода, сначала удивляешься. И только потом начинаешь понимать, в чём тут дело. Оказывается, движет им стремление не «огорошить» мир своими достижениями, не занять свою законную строчку в книге рекордов России и Гиннеса. Нет. Они не желают существовать в нашей суровой действительности, они живут в полном смысле этого слова по-Маяковскому: не тлеть, а гореть. Мой рассказ о **Владимире Пинчуке**, мужчине, «живущем не по правилам» и более 50 лет ежедневно испытывающем свой организм на прочность изнурительными экспериментами.*

СТО ЛЕТ — НЕ ПРЕДЕЛ

Будучи в Хабаровске в гостях у хороших знакомых, решила пройтись по книжным магазинам. Купив несколько брошюр литературоведческой направленности, собралась уходить, но взгляд наткнулся на цветную фотографию с изображением молодого мужчины, к телу которого «прилипли» чайные и столовые ложки. Здесь же крупным шрифтом значилось: «В.Ф. Пинчук. Моя система полного, активного лечебного голодания, позволяющая прожить более 200 лет здоровым...». Ни больше и ни меньше – 200 лет?! Понятно, что я стала обладательницей этой уникальной книги тут же, без раздумий...

В очередной свой приезд в Хабаровск первым делом, по старой журналистской привычке, запланировала встречу с Владимиром Фёдоровичем, полагая, что известный на всю Россию специалист по многокилометровым переходам без пищи (исключительно на воде) может отказать в randevу, и тогда многие вопросы останутся без ответа. Но он нормальным человеческим голосом пригласил меня следующим утром поучаствовать в водных процедурах прямо возле подъезда его дома на улице Матвеевской – при почти 30-градусном морозе.

Утром, подрагивая от холода, я наблюдала, как моложавый мужчина окатывает себя холодной водой из ведра, делает стойку на руках, локтях, голове, выполняет разной сложности разминочные упражнения – в плавках и босиком! Давно занимаюсь шейпингом, бегаю вечером по парку и стадиону, знаю о физических нагрузках не понаслышке, но такую экзекуцию увидела впервые в жизни. Кстати, люди, спешащие на работу, закутанные во всё тёплое, уважительно

здоровались с «заряжающимся» соседом, подчёркивая то, что во дворе он свой человек. Тем временем Владимир Фёдорович легко вбежал по ступенькам в коммунальную квартиру, принял холодный душ, побрился, и спустя полчаса мы ехали в его стареньком «Жигулёнке». В. Ф. Пинчук оказался человеком словоохотливым и вовсе не «упёртым» фанатиком, как думают многие о таких вот «белых воронах». Говорили о работе, политике, спорте, ну и, конечно, о главном: как он «дошёл до жизни такой». Вот некоторые фрагменты нашей беседы:

– Вы находитесь на рубеже 60-летия. Однако внешне нисколько не похожи на пенсионера. В этом возрасте многие мужчины страдают ожирением, у них появляется брюшко. Вы же словно мальчик – стройный, подтянутый, энергичный. Как удалось достичь такой гармонии?

– Человек сам хозяин своего тела. Я родился в Охотске, на севере. В семье нас трое: я, сестра и младший брат. Они никогда спортом не занимались, не говорю уже о покойных родителях. Меня же с юношества привлекал культуризм. Нравилось лепить из собственного тела что-то оригинальное, ощущать каждую связку, мышцу, а особенно управлять своим физическим состоянием. В 8-м классе с энтузиазмом занимался атлетизмом, участвовал в соревнованиях по лыжным гонкам и лёгкой атлетике. Больше побеждал, чем проигрывал. И вообще к любому делу подходил творчески. Мой отец Фёдор Денисович был профессиональным журналистом, известен в крае по работе в газетах Охотска, села им. П. Осипенко, г. Николаевска-на-Амуре – в качестве собкора «Тихоокеанской звезды».

– Видимо, и вам передались творческие гены отца?

– Вполне возможно, только мне довелось работать журналистом лишь однажды. В 1974 году я являлся внештатным корреспондентом газеты «Молодой дальневосточник». Писал в основном заметки. Уже в зрелом возрасте, в период планового голодания, сел и махом написал книгу о собственной системе очищения организма от шлаков. А также о своих «пеших» краевых, региональных и российских рекордах. Считаю, что в физкультуре и спорте я преуспел больше, нежели в традиционной журналистике.

– Фундамент будущих достижений и побед закладывается в раннем детстве. Мечты тоже рождаются в детстве. Удалось ли их сделать явью?

– Всё с мечты и начинается. Затем человек планирует, примеряется и только потом действует. Наше поколение считают романтиками. Я не был исключением – много читал. До сей поры сохранил любовь к детской литературе. В свободное время перечитываю прозу Ю. Сотникова, А. Рыбакова, Г. Троепольского, Э. Успенского и других. Когда-то перечитал всего Макаренку. Люблю Д. Лондона и В. Скотта. Так что самая заветная мечта – стать педагогом – сбылась. Дело в том, что моя мама Нина Михеевна после окончания Биробиджанского педучилища долго работала с детьми, а сестра Любовь после Хабаровского педагогического института преподавала в школе русский язык и литературу. Думаю, что и я не случайно выбрал пединститут. Вначале, правда, подал документы в институт физкультуры, но недобрал баллов, призвался в армию. Два года в правительственных войсках связи служил, занимался спортом, участвовал во всех лыжных соревнованиях. Заметно окреп, стал ощущать себя настоящим мужчиной. После «дембеля» поступал в пединститут и... опять недосчитался баллов. Духом не упал. Возобновил занятия атлетизмом, много читал специальной литературы, хорошо подготовился к экзаменам и в 1973 году стал студентом пединститута (факультет физвоспитания). Сразу поставил цель: выполнить норму мастера спорта по лыжным гонкам на 15 километров. Чрезмерно увлёкся и... запустил учёбу. Пришлось уйти с факультета...

– Так рухнула ваша мечта?

– Не скрою, тот период оказался хорошей проверкой характера и физических сил. Три года зарабатывал на жизнь как придётся, изучал труды известных педагогов, допоздна просиживал в библиотеках. Более того, серьёзно занимался спортивными бальными танцами, конспектировал спецлитературу. Тогда мне только-только исполнилось 24 года. Вот когда пригодились многолетние занятия лыжами и атлетизмом. Лыжня заставляет терпеть, атлетизм оттачивает контуры фигуры, придаёт силу. Оставалось «поставить» пластику. В 1976 году пришёл первый большой успех. На зональном конкурсе по спортивным бальным танцам в Хабаровске удалось стать дипломантом. С той поры мой мысленный девиз – ни дня без танца.

Владимир ПИНЧУК и Владимир ТУРЧИНСКИЙ

– А как же высшее образование?..

– Поступил на... филологический факультет. Учился заочно, работал учителем в школе, вёл танцевальные кружки, всё больше углублялся в педагогику. Съездил по вызову в Донецк, где побывал на семинаре известного педагога-новатора В. Ф. Шаталова. Точно могу сказать: учитель жил во мне с рождения...

Вышеизложенные события стали лишь прелюдией к дальнейшим свершениям педагога из Хабаровска. С 1992 года Владимир Фёдорович стал осваивать эстрадный танец степ (русская чечётка). Как выяснилось, этот интересный и оригинальный жанр в 30-50-х годах был безумно популярен. После просмотра художественного фильма «Зимний вечер в Гаграх» В. Ф. Пинчук буквально заразился красотой стеча. Следом пересмотрел «Карнавальную ночь», «Мы из джаза». Заказал учебную видеокассету из США, сшил танцевальный костюм, освоил четыре оригинальные танцевальные позиции. И всё стало получаться. Затем конкурсы, победы, ученики...

Казалось бы можно остановиться на достигнутом, вести размеренный образ жизни, передавать свой богатый танцевальный опыт молодым, только не поседа Владимир Фёдорович придумывает для себя всё новые и новые барьеры. Цель одна – проверка организма на прочность, но уже в зрелом возрасте.

ХОДИТЬ — НЕ ВРЕДНО, ВРЕДНО — НЕ ХОДИТЬ

Мы прощались без церемоний, быстро, потому что каждый спешил по своим делам. То, что В.Ф. Пинчук не успел рассказать в пути, мне поведала его 200-страничная книга о том, как прожить 200 лет. По причине дефицита печатной площади приведу лишь некоторые фрагменты познавательного труда этого неординарного человека.

«Пинчук Владимир Фёдорович...» Высшее педагогическое образование. Учитель русского языка и литературы, хореограф. В настоящее время работаю в Хабаровском институте инфокоммуникаций (постановщик танцевальных программ). Аспирант Дальневосточной государственной академии физической культуры и спорта. Тема научной диссертации: «Показания физиологических возможностей организма у спортсменов при лечебном голодании. (Восстановление спортивной формы у спортсменов высокой квалификации и повышение спортивных результатов до мирового уровня)».

А теперь – внимание! – строки из его дневника:

«С 1992 г. обливаюсь на улице круглый год ледяной водой, а с 1994 г. создал свою систему по оздоровлению организма в современных условиях (исследования в области здоровья и развития личности).

2000 г. Первое 21-суточное голодание на воде дома (первые 5 суток сухое в контакте с водой).

2001 г. 21-суточное голодание на воде дома (первые 5 суток суровое сухое голодание без контакта с водой).

2002 г. Пеший проход г. Хабаровск – г. Владивосток на воде без питания за 20 дней 860 км. Первые двое суток шёл без воды. Вес рюкзака за спиной 8,5 кг.

2003 г. Пеший проход г. Хабаровск – г. Шимановск (Амурская обл.) на простой воде без питания за 20 дней 950 км. Первые сутки и 8 часов следующих шёл без воды. Вес рюкзака за спиной 9,5 кг.

2004 г. Пеший проход г. Хабаровск (Россия) – г. Харбин (Китай) на простой воде без питания за 26 дней 1000 км. Для сравнения: полёт реактивного самолёта ТУ-154

по этому маршруту длится 1 ч. 20 мин. Первые двое суток шёл без воды. Вес рюкзака за спиной 10,5 кг.

2005 г. 30-суточное голодание на простой воде на даче (первые 5 суток суровое сухое голодание без контакта с водой). Проводил хозяйственные и

Владимир ПИНЧУК

ремонтные работы. За это время была написана книга «Моя система полного, активного лечебного голодания, позволяющая прожить до 200 лет здоровым» (исследования в области здоровья и развития личности).

2006 г. Обследование в июне месяце всего организма врачебной комиссией, которая подтвердила полное (100%) здоровье.

Первый в мире 30-часовой скоростной проход по дороге на дистанции 146 км 510 метров без употребления пищи, воды, остановок на отдых и сон. Проведено первое сухое каскадное голодание 1-2-3-4-5-4-3-2-1 (дни).

2007 г. 25-ти суточное голодание на простой воде на даче (первые 5 суток суровое сухое голодание без контакта с водой). Проводил хозяйственные и ремонтные работы. Много читал. Пропалывал огород и собирал урожай.

Провёл 38-суточное голодание (первые 5 суток сухие в контакте с водой).

Без специальных тренировок тело с каждым годом становится более гибким, сильным и пластичным. На своём примере показываю возможности мной созданной системы поступательного развития и движения вперёд здорового человека.

По своему внутреннему ощущению считаю, что достиг генетического уровня старения организма. Готов это подтвердить в научных учреждениях, занимающихся проблемами генетики...»

Стоит заметить, что книга снабжена фотоиллюстрациями, привезёнными Владимиром Пинчуком из тех мест, где он побивал пешие «водяные» рекорды. Интересен эпилог к этому редкому изданию: **«Старость – это когда ты бежишь быстро-быстро, а тебя все обгоняют. Так да-**

вайте делать так, чтобы бежать вместе со всеми и в ногу со временем!»

Им я и закончу материал о человеке удивительного жизнелюбия и энтузиазма.

ТАЙНА ГИБЕЛИ ДЕДА ДАНИЛЫ

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ,
г. Омск

Николай Васильевич Березовский родился 24 июня 1951 года на Сахалине в семье военного медика. После гибели отца воспитывался в интернате. Работал грузчиком, буровым рабочим в геологоразведке, редактором на телевидении, корреспондентом в газетах. Среднюю школу окончил экстерном. Высшее образование получил на отделении прозы Литературного института Союза писателей СССР имени А. М. Горького. Первые рассказы и стихи опубликовал в конце шестидесятых годов прошлого века. Автор восьми прозаических, поэтических и публицистических книг, изданных в Москве и в Сибири; многочисленных публикаций в отечественной и зарубежной периодике. На киностудиях «Мосфильм» и «Лентелефильм» экранизирован его рассказ «Три лимона для любимой». Призёр, дипломант и лауреат литературных конкурсов и премий. В частности, радиостанции «Немецкая волна», газеты «Правда» (1991 г.), писательского еженедельника «Литературная Россия» за 1999 год, Международного, посвящённого 55-летию окончания второй мировой войны; «Сибирь – территория надежд» Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» за 2001-2002 годы, «Золотой листопад-2010» имени Юрия Самсонова, журналов «Московский вестник» (2004 г.), «Сибирячок» (2005 г.), «Дальний Восток» (2005, 2009 гг.). Награждён грамотами журнала «На боевом посту» Внутренних войск МВД России и Королевского Посольства Дании и Фонда «НСА2005» к 200-летию Х.К.Андерсена (2005 г.).

Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Оба моих деда погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Василий Петрович Березовский, дед по отцу, – в декабре 1941-го под Москвой, а дед по маме, Данила Андреевич Филатов, в январе 1945-го за пределами отечества.

Я, родившийся после Победы, никогда их не видел, да и они между собой не были знакомы, хотя жили в Омске почти по соседству, один напротив другого, – Данила Андреевич на правом берегу Оми, Василий Петрович – на левом. Омь – речка тихая, но не свела их и бурная река войны, в какую вступили они с первых же её дней. А вот их дети стали моими родителями. И от отца я едва ли не с пелёнок знал, что дед Василий погиб героически. «В штыковой атаке», – рассказывал отец. Да и вообще только герои могли отстоять Москву, а затем и погнать от столицы врага. А вот о деде Даниле мама почти не рассказывала. «Пал смертью храбрых. В Польше», – и всё.

– Пал – это как? – попытывался я у мамы в детстве, надеясь, что дед Данила повторил подвиг Александра Матросова, закрывшего собой амбразуру дзота. Ведь прежде чем закрыть амбразуру собой, надо подняться, чтобы затем на неё упасть, как показывали в любимом мной фильме, который так и назывался – «Александр Матросов». Между глаголами «пал», «закрыл» и «упасть» я тогда не видел особой разницы. И если дед Данила «пал» на амбразуру... Очень уж хотелось мне похвалиться перед сверстниками и дедом по маме, как я хвалился перед ними дедом по отцу. Но мама на мой вопрос всегда отвечала одинаково:

– Пал на поле боя.

– Да как, мама, пал-то? – требовал я от мамы подробностей.

– Смертью храбрых, – начинала плакать мама, и лишь тогда я от неё отставал. А когда стал постарше, перестал и вовсе спрашивать о гибели деда Данилы, догадавшись, что она связана с какой-то тайной, знать которую мне не следует.

Тайна открылась спустя десятилетия, через месяц после смерти мамы. Разбирая оставшиеся мамины документы и разные бумаги от поздравительных открыток и писем до квитанций об оплате коммунальных услуг, я нашёл «Извещение» о гибели деда Данилы – похоронку, как называли в войну такие горестные весточки с фронта. А ещё тетрадный листок из школьной тетради, сложенный треугольником, с адресами на лицевой стороне отправителя – штемпелем

войсковой части, в которой дед служил, и получателя – его жены, а мне бабушки, ненадолго пережившей мужа, почему я почти не помню Евгению Леонтьевну. Само письмо от сослуживца деда было на внутренней стороне страницы, когда расправишь треугольник.

Дед Данила погиб в сорок четыре года. Странно, необъяснимо, но не случайно, думается мне, я узнал тайну гибели деда, сравнившись с ним возрастом. И сейчас впервые открываю её и для других.

Данила Андреевич пал не на поле боя – в подвале замка какого-то польского графа. Вино, хранившееся в подвале, оказалось отравленным. А кто откажется снять усталость после боя, да ещё зимой, добрым глотком вина? – заслужили! И похоронили весь взвод деда, кроме одного бойца, как павший в бою, с троекратным залпом в воздух из личного оружия, а потом по дивизии деда, армиям и фронтам, освобождавшим Польшу, распространили приказ-инструкцию: питаться только с полевых кухонь, водоёмами пользоваться после проверки, горячительные напитки, кроме наркомовской нормы, побоку...

«Мне по молодости лет, – писал сослуживец деда, – мезурку всего плеснули, а всё муж ваш и отец ваших детей, Данила Андреевич, век буду помнить: у тебя, сказал мне, молоко ещё на губах не обсохло...»

Конечно, поведай мне мама правду о гибели деда в моём детстве, я был бы наверняка разочарован и вряд ли бы гордился гибелью деда перед сверстниками. В детстве геройская гибель представляется иначе. Но почему мама не открыла мне эту тайну позже или хотя бы не показала «Извещение» и письмо сослуживца деда? – маюсь я этими вопросами и по сегодняшний день. Хотя она и не лгала, повторяя слова в похоронке: «Пал смертью храбрых». Как не лгали и писавшие её.

Потому что...

Разве сочтёшь, сколько уберегли младший лейтенант Данила Андреевич Филатов и бойцы его взвода жизнью от коварной смерти, какая страшнее гибели от пули, арналёта или бомбёжки? Страшнее своей обыденностью в мясорубке войны. И поле боя в войну – это тоже повседневная обыденность. От штыковых атак в занесённых полях Подмосковья до подвала с отравленным вином за несколько месяцев до Дня Победы...

МИРОТВОРЕЦ

РАССКАЗ

Жанна РАЙГОРОДСКАЯ,
г. Иркутск

1

Кабинет научного руководителя размещался в подвале. Вдоль стен из черного мрамора располагались стеллажи, уставленные потемневшими глиняными сосудами. В стеклянных витринах покоились костяные гарпуны, ножи из нефрита, пара каменных топоров и десяток грудастых «Венер». Статуэтки каменного века не имели голов, но выглядели весьма привлекательно. «Предки знали толк в бабах», — подумал аспирант Эдди Чуждэй.

Куртман, лысый носатый старец, напоминавший еще один музейный экспонат, сидя в вертящемся кресле напротив миниатюрного столика, сосредоточенно клеил из черепков старинный горшок.

Над желтой, как слоновая кость, лысиной археолога висел календарь — полногрудая дама нежно обнимала бутылку виски «Белая лошадь».

Предки вешали на стенах портреты вождей, вспомнил Чуждэй. Дураки были эти предки!

Видимо, последнюю фразу аспирант произнес вслух, ибо Куртман оторвался от работы и спросил озадаченно:

— Почему вы считаете их дураками?

И Чуждэй заговорил о проблеме, давно его волновавшей:

— Как же не дураки! Сколько раз бывало — полчища людей ни с того ни с сего шли крошить друг друга, хотя их взгляды на жизнь были скорее сходны, чем различны. Крестonosцы и сарацины, католики и протестанты... К чему было воевать?

— Борьба за место под солнцем, — пояснил Куртман.

— Более миролюбивая сторона могла уступить. Чуть-чуть измениться. Посмотреть на события с иной точки зрения...

— И поклониться в ножки захватчику?

— Почему нет? Сколько денег было бы сэкономлено, сколько спасено человеческих жизней...

Куртман неведомо отчего покраснел и заговорил ненавистным аспиранту менторским тоном:

— Защита своего дома, семьи, надела земли — это врожденная программа поведения. Вот слушайте. Идет по африканской саванне стайка павианов. Самки с детенышами посредине, в кольце самцов-воинов. Вожак углядел леопарда. Подал сигнал. Двое павианов-защитников отстают от группы, погибают сами, но загрызают хищника. Все понятно?

— Мы не обезьяны! — поморщился Чуждэй. — Зачем нам жить простейшими инстинктами?

Старик нахмурился.

— Если к вам залезут воры...

— Никакие деньги не стоят человеческой жизни. Отдам.

— А если на жену посягнут?

Чуждэй воспылал гневом.

— Я не женат! И некорректно с вашей стороны задавать такие вопросы! Почитайте классику! Женщины предпочитают грубых и сильных самцов, даже если это враги! Смешение народов и рас неизбежно, противодействовать этому глупо. Не проще ли поиметь свою выгоду...

— Чего же вы хотите, в конце концов?

— Командировку в эпоху крестовых походов или в эпоху Реформации. Постараюсь помирить.

— Да уж, посмотрите своими глазами. Впрочем, не стоит погружаться так глубоко. Сэкономьте горячее. Две сотни лет назад в наших краях полыхала та-акая война... Обе стороны боготворили вождей, стремились переделывать по-своему жизнь на земле...

— Что-то припоминаю, — кивнул Чуждэй, — но подробно нигде не читал. А ведь я историк.

— Закрытая информация, — пожал широкими плечами старик. — К чему людям ведать... Большое кровопролитие совсем недавно...

— Большое кровопролитие? Так это же интересно! — воскликнул молодой человек.

— Что вам интересно? — в скрипучем голосе Куртмана прорезались гневные нотки. Археолог вытянул шею и сделался похож на ошипанного грифа. — Усеянные трупами поля? Отравленные газом мирные жители?

Чуждэй понял, что сплеховал. Каждый имеет право на свое мнение, но перед научным руководителем лучше смолчать. Пусть старый гриб воображает, что я устыдился.

— Впрочем, поезжайте, — кивнул археолог. — Только оставьте расписку, что сами за себя отвечаете.

— А что, возможен риск? — поднял брови Чуждэй.

Куртман воззрился на аспиранта, как волк на пуделя. Парень чем-то походил на него и в то же время был карикатурно другим. Не разумел простейших вещей. И Куртман сказал:

— Да. Это очень опасно.

«Вечно старый индюк труса празднует», — подумал досадливо аспирант.

2

Парк в городе был роскошный.

Уже темнело, и аспирант прикинул, не обойти ли стороной уголок лесного массива, однако, решив воспитывать в себе стойкость, волю и мужество на случай неожиданных ударов судьбы, пошел напрямиком.

Страх, владевший аспирантом, имел мистическую природу. Молодой человек не столько робел перед шпаной, сколько припоминал дедовы рассказы о скверах, разбитых на костях, о надгробьях, сметенных ножом бульдозера, о зданиях, отделанных могильными плитами... Умом Чуждэй не принимал этих пересудов, вдребезги разби-

вавших сияющий мираж лучшего в мире государства. Но в темноте подсознание раскрепощалось. Могильный холод ужасной истины подымался со дна души, затопляя голову, как рубку тонущего судна.

Дальше — больше.

Молодой ученый зацепился ногой за корень и полетел в неглубокую яму.

Аспирант лежал на спине и сам себе казался утопленным, опустившимся на дно моря. Вверху едва мигали, задыхаясь от смога, бледные звезды.

Рядом лежало изжелта-белое НЕЧТО. Перепуганный взор аспиранта лихорадочно выхватывал то одно, то другое: сухой песок в лежащей на боку чаше... капкан челюстей... бамбук позвоночника... обручи ребер... но разум не хотел собирать впечатления в единое целое.

Спасение было знакомо с детства. Самонастройка.

«Это невозможно! — внушал себе молодой ученый. — Мне это чудится... блазнится... грезится!»

Какую-то секунду ему жгуче захотелось дотронуться и проверить, но деятель науки могучим усилием воли сдержал себя в узде.

«Мы — лучшая в мире страна. Трупы кремируют. Парки на кладбищах — кощунство, несовместимое с нашим образом жизни».

«А вдруг убийство?» — закралась нежданная мысль. Убили да закопали...» Но аспирант отругал себя за неблагодарность. У нас? Убийство? Чепуха!

Стало быть, доказал себе Чуждэй, никакого скелета здесь нет. Это подсознание играет мной, как ракетка воланом.

Чуждэй сел, затем, опираясь на руки, поднялся. Глаза оказались чуть выше уровня земли. Белела брошенная пачка сигарет, блестела валяющаяся на земле пивная бутылка, скорбно, будто горюя, качался сломанный куст... Уф, порядок. Юноша подтянулся на руках и очутился в знакомом парке. С минуту его тянуло запустить глаз в яму, но ученый пересилил себя и, намеренно замедляя шаг, пошел к выходу.

3

Прошлое встретило Чуждэя ужасающим беспорядком. Повсюду валялись куски обгорелого железа, мотки проводов и колючей проволоки. Уставив в серое небо навек замолкшие пушки, замерли на разорванных гусеницах подбитые боевые машины. На скальпированных черепах холмов лишь кое-где пробивалась стойкая зеленая травка.

Война откатилась на запад, оставив людям разоренную землю. В сиром небе перекликались ласточки — должно быть, недоумевали, куда же делись дома, под крышами которых так удобно вить гнезда. Апрель готовился уступить место маю.

Но Чуждэю было не до весенних радостей. Грубый, нетесанный мир предков обескуражил его.

Порядочного жилья заметно не было. Лишь у самого горизонта виднелся вагончик, жалкий, как обломок кирпича на выжженном пустыре, а еще чуть дальше — полу-прозрачная стая не то палаток, не то облаков.

Вздыхнув, цивилизатор двинулся к месту контакта.

4

В вагончике, словно по контрасту с окружающей действительностью, оказалось уютно. Две лежанки, прикрытые лоскутными одеялами. Плетеные круглые коврики

на полу. Прибитая в углу треугольная полка. На полке — зеленая бутылка, наполовину залитая керосином. На горлышке сосуда лежало жестяное кольцо, обнимавшее жестяную же трубочку, в которую был вставлен фитиль. Неподалеку такой раскорячилась железная печурка на гнутых ножках. Труба выходила в обитую жестью стену.

На стенах висели: белый халат, брезентовая сумка с красным крестом и множество вышивок — в основном на цветочные темы. Дверь была прикрыта оригинальной портьерой. На грубой мешковине бросались в глаза алые кумачовые маки, переплетенные травянисто-зеленые стебли, зубчатые листья с желтыми прожилками.

Набитые сеном подушки были покрыты накидками из тюлевых штор. На снежно-белой воздушной ткани сияли желтые, красные, оранжевые осенние листья.

У печки лежала книга с растрепанными страницами. Чуждэй покосился на корешок. «Собор Парижской богоматери». Хозяйка читала французский роман, да еще про любовь. Хороший признак.

Чуждэй перевел глаза на аборигенку и замер, не веря своему счастью. Невысокая и стройная, девушка походила на гимназистку. Сходство дополнялось пышным белым бантом в темно-русых волосах. Кофейно-карие глаза с вежливым любопытством озирали незваного гостя. Пришелец перевел взгляд и оценил высокую грудь, тонкую талию и округлые бедра.

И тут — эх, незадача! — из-за вышитой кумачом портьеры, скрипнув дверью, явилась девочка лет семи — беленькая костлявая замарашка.

— Мама Инга! Дай кушать!

— Не теперь, Нелли, — строго возразила хозяйка вагончика. — Сейчас я покормлю гостя, а тебя позже. Помой руки и садись вышивать. Ты еще василек не закончила.

Молодая женщина взяла жестяной кувшин и вместе с дочкой вышла из временного своего жилища. Снаружи послышался плеск воды.

Чуждэй раскинул умом. Обручального кольца на туземке нет. Может быть, обменяла на хлеб или сахар?

Когда Инга и сверкающая чистотой Нелли вернулись, гость отважился спросить о кольце.

— Я не замужем, — сухо бросила девушка. — Пожалуйте к столу.

События разворачивались как нельзя лучше. А я ведь для нее — последний шанс, смекнул Чуждэй. Одна... С ребенком... В убогом вагончике... Кто на нее польстится?! Жениться я, конечно, не буду.

Хозяйка плеснула в кружку кипятка без сахара и заварки, отрезала тоненький ломтик от ужасающего вида краюхи. Цветом и твердостью хлеб напоминал несколько лет пролежавший в земле кирпич. Кое-где из него торчала солома.

Малышка Нелли с жадностью посмотрела на бурю краюху, но тут же овладела собой, извлекла из-под подушки холщовую салфетку, белый мешочек с цветастыми нитками мулине и занялась рукоделием.

Набравшись мужества, Чуждэй зажмурился и вгрызся зубами в ломоть. Хлеб царапал десны.

— Вкусно? — участливо осведомилась Инга.

Чуждэй вспомнил золотое правило покорителя женщин. Баба — существо глупое, подчиненное. Ей, как собачонке, все время надо указывать место. Если не бить и унижать, то надо критиковать.

— Из чего вы только его пекли? — брюзгливо заметил гость. — Прожевать невозможно! Потому вас и замуж никто не берет!

Повисло нехорошее молчание. Надо было забить эфир. И Чуждэй вспомнил, с какой целью приехал.

— Все воюете, воюете, — вздохнул миротворец. — С корочки на корочку перебиваетесь... И взрослые, и деточки... А покорились бы пришельцам — глядишь, и масло бы мазали прямо на колбасу...

— Что-о-о?! — переспросила непонятливая туземка, сдвигая черные соболиные брови и берясь, совершенно нехвата, за сковородку.

Чуждэй стал в тупик. На что тут можно обидеться? Все как есть...

Выручила его Нелли. Она вдруг в голос разрыдалась. Инга, забыв о госте, кинулась к девочке.

— Нелочка, что с тобой? Опять маму вспомнила?

Нелли закрыла лицо руками, будто не желая видеть страшный, безжалостный мир.

— Нет, Инга... Я не по маме, я по иголке плачу... Иголлка тупая, ржавая... Вышивать неудобно...

Молодая женщина улыбнулась. Она сама старалась не показывать своих слабостей. Нелли пошла в нее.

Так, значит, это не дочь!

Чуждэй опять стал в тупик. Надо было как-то реагировать на поведение дикарков. И он изрек:

— Невоспитанный ребенок! Из-за иголки разводить сырость... Стыдобища!

Хозяйка дома пристально на него поглядела и отчеканила:

— Ступайте отсюда.

— Но я... — озадаченно бормотнул проповедник.

— Ступайте отсюда, — в голосе молодой женщины скрежетал металл.

Чуждэй пожал плечами и вышел.

5

«Женщины никогда не блистали умом, — утешал он себя, продвигаясь в сторону скопления палаток. — Вот сильный пол — тот поймет...»

Трое бойцов, разнокалиберной одеждой скорее напоминавших партизан, копали могилу. Четвертый, с раздробленными ногами, лежал около, и Чуждэй не сразу сообразил, что это покойник.

— Вот, подорвался на mine, — вздохнул усатый пожилой мужик в съехавшей на стриженный затылок пилотке. — Шел, шел и пришел...

— У меня друг, Васька, так же погиб, — поделился белобрысым юнец в тельняшке. — В городе еще. Фрицы, мать их, засунули кошку в ящик и заминировали конструкцию. Кошара — орать, Васька ломанулся ее спасать... И все. Ни кисы, ни Васьки.

От вида крови и от рассказа Чуждэя замутило. А ведь и я мог бы так же пропасть, закралась нежданная мысль. Но Чуждэй взял себя в руки. Да это же все понарошку, внушал он себе. Вовсе это не живые люди и не настоящая смерть. Это... как бы стереофильм такой. Или фигурки в тире. В них стреляют, они падают. А я — живой человек, меня убивать нельзя. В конце концов, зачем я сюда приехал? Трястись, как сигаретка в руке алкоголика, или народы мирить?

— Сколько жертв, сколько крови, — пустил пробный шар пришелец. — А ведь все могло быть иначе...

— Это как? — осведомился круглолицый рыжеватый мужик в фуражке. Его полудетская конопатая физиономия приобрела забавно-грозное выражение. Выгоревшие брови сдвинулись, пухлые губы вытянулись вперед. — В каком это смысле — иначе?

— Худой мир лучше доброй ссоры. Это бесспорно, — проповедник лучшей доли рассек воздух белой, без единой мозоли, длиннопалой рукой. — Не проще ли было сдаться врагам без боя? Все были бы живы... И сыты...

Предки вели себя как-то странно. Отошли от могилы, но лопат не бросали. Блондин в тельняшке опустил руку на кобуру.

— Отставить, — прошелестел усатый. Парень повиновался.

— Семен Семеныч! — предложил рыжий. — Может, повяжем его да сдадим куда следует?

— Нет уж! — отрезал усатый. — Сами проучим!

Отправляясь в минувшее, миротворец захватил бластер, стилизованный под наливную ручку «вечное перо». Прицепил смертоносное оружие к лацкану пиджака. Сейчас он попробовал дотянуться...

Но могучий, болезненный и вполне реальный удар лопатой по голове погрузил пришельца во тьму беспмятства.

6

Когда Чуждэй опомнился, вокруг не было ни людей, ни вагончика, ни палаток. Должно быть, его беспмятное тело отволокли подальше и кинули на произвол судьбы.

Дикари! Миссионер ощутил злобу, смешанную с нарастающим голодом. Он пришел учить их смирению, кротости. А они... То из дому гонят, то бьют примитивным землеройным орудием. Почему?!

Чуждэй, не запивая, проглотил две насыщающие таблетки. В голове прояснилось, и проповедник, как ему показалось, добрал до истины.

Он приехал слишком поздно. Люди много вложили в эту войну и не желают слышать о том, что был другой путь, что все их жертвы напрасны.

Вот если бы он появился в начале войны...

На горизонте сиротливо чернела рощица, в которой пряталась его машина.

Чуждэй, кряхтя, поднялся на нетвердых ногах и двинулся. Тело болело, как после долгих занятий на тренажерах. Бластер, стилизованный под «вечное перо», куда-то исчез — видимо, потерялся в драке. Надо было спрятать подальше, запоздало сообразил он.

Добредя с грехом пополам до машины, ученый муж упал в кресло, задраил люк и набрал на клавиатуре новую дату — 30 июня 1941 года.

7

Из командировки Чуждэй не вернулся. Отец и мать, кортавшие остаток жизни в комфортабельной богадельне, отнесли к его пропаже со странным спокойствием.

Когда же печальную весть узнал Куртман, его широкая, в пигментных пятнах рука дернулась к левой половине груди.

— Что с вами? — вскрикнула лаборантка.

— Все о'кей, — успокоил старик. — У меня сигареты в нагрудном кармане.

* * *

Давно я ничего не посылала в «Литературный меридиан», хотя очень внимательно читаю каждый новый номер. Должна сказать, что с выходом очередного номера издание становится всё интересней, появляются отличные публикации, как стихов, так и прозы.

Радуется, что на страницах «ЛитМ» печатаются произведения и мастеров слова, и начинающих авторов.

Спасибо вам за интересное издание.

Светлана КОРОЛЁВА,

г. Уссурийск

* * *

Пишу вам по поводу рассказа Владимира Довженко из Москвы «Кавалеристы на войне» («ЛитМ» № 3, 2011). Главный герой – Дмитрий Архипов. В 1919 году пошёл воевать в конницу Будённого, до этого поработав конюхом в колхозе (в 1919 г. колхозов ещё не было).

Далее: «...западные районы были захвачены иностранными и белогвардейскими отрядами *Петлюры, Деникина, Кастова и Махно*». Из них белый офицер – только Деникин. Петлюру и Махно причислить к белым нельзя, о Кастове слышу в первый раз.

В 1921 году Архипова отправляют на разгром повстанцев генерала Антонова на Тамбовщине. Автор рассказа описывает Архипова как героя, очевидно, не зная, что Антонов руководил восстанием крестьян, у которых по продразвёрстке отбирали всё зерно, не оставляя на прокорм и семена.

Дальше Архипову не повезло, и его отправляют в 1940 г. в тайгу на *лесозаготовки в Оренбургскую область*. Во-первых, эта область в 1940 г. называлась Чкаловской, во-вторых, в ней не было тайги. Были небольшие участки леса, но они не вырубались.

Мне кажется, что за подобные ошибки несёт ответственность не только автор, но и редакция.

Лариса БЕЛЯКОВА,

п. Лучегорск Приморского края

* * *

Безусловно, стихи Павла Власова из города Санкт-Петербурга заслуживают похвалы. Лёгкие и непридуманные, слегка таинственные, они полны неожиданных образов.

Пётр СМОЛИН,

г. Новосибирск

* * *

Подборка Олега Манзанова («ЛМ» № 5, 2011) мне понравилась, а часть текстов – даже очень. Я тут и автора вижу, и изюм не ищу с лупой.

Дмитрий РЕВСКИЙ

* * *

Прочитал критическую статью Александра Бондаренко. В какой-то мере я согласен с Александром – многие из заслуженных литераторов на определенном жизненном этапе позволяют себе расслабиться в творческом плане и начинают писать и публиковать откровенно беспомощные стихи или прозу. К сожалению, эта тенденция общероссийская.

Самому Александру Бондаренко мне хотелось бы задать вопрос, почему он постеснялся назвать имя автора строк «Как! Как! Как! Так! Так! Так!..»? Кто этот таинственный «литератор, пожелавший остаться неизвестным»?

Вячеслав СИМОНЕНКО,

г. Владивосток

* * *

Хочу поблагодарить редакцию «Литературного меридиана» за публикацию стихов моего любимого поэта Николая Зиновьева.

Галина ПОЛЯКОВА, г. Хабаровск

ДАМЫ И ГОСПОДА, ПОМИЛУЙТЕ РЕДАКТОРА!

/ОТ РЕДАКЦИИ/

Мы приносим извинения нашим авторам и читателям за встречающиеся на страницах «Литературного меридиана» опечатки и неточности, появившиеся в результате технических особенностей верстки или торопливости наших корреспондентов.

Также просим наших новых и постоянных авторов самостоятельно отслеживать регулярность публикаций и без напоминаний высылать произведения по адресу издания.

Особое внимание авторов обращаем на публикуемые в каждом номере **правила оформления присылаемых произведений**, без выполнения которых у присланных материалов шансы быть опубликованными очень малы.

К сожалению, до сих пор сотрудникам редакции нередко случается читать в письмах: «Высылаю три своих рассказа. Вот только не помню, что посылала раньше, а что – нет...»

Нерадивый автор старается переложить ответственность на плечи редактора, который почему-то «обязан помнить», что и в каком месяце присылал забывчивый литератор. А если редактор по различным причинам не вспоминает, то он должен бросить все рабочие и личные дела и перебирать тысячи писем – бумажных и электронных, найти всю корреспонденцию горе-сочинителя и немедленно устроить процедуру сравнения – какой же всё-таки рассказ был прислан ранее?

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко'стылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2011 ГОД

Стоимость полугодового абонемента – 300 рублей, годового – 500. Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Ко'стылева Владимира Александровича** по адресу издания:

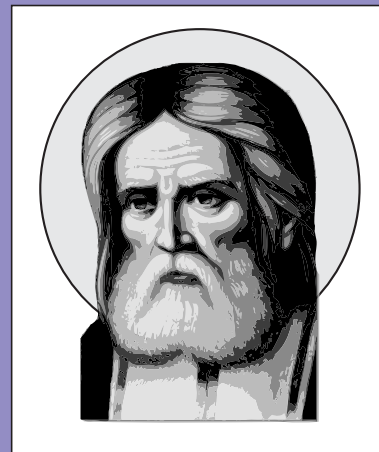
**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся **НЕ НЕСЕТ**.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси,
блаженне, и Тому Единому работати
пламенне вожделев, непрестанною
молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия Матере
явился еси. Сего ради вопием ти: спасай
нас молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Фото Игоря ФЕДОРОВСКОГО, г. Омск

Отроги Сихотэ-Алиня. Фото Ирины БАНКРАШКОВОЙ, г. Хабаровск